

Алексей Шильников

Дом на краю кладбища

Алексей Шильников

Дом на краю кладбища

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72587971

Дом на краю кладбища. / Алексей Шильников: Маска; Москва; 2025

ISBN 978-5-6054504-8-1

Аннотация

Смешное и страшное в нашей жизни часто соседствуют, но что общего у авантюристов от рекламы, готовых устроить шоу в любом месте, даже на кладбище, и у программиста, ищущего спасительный рецепт, в древних манускриптах? Что общего у ведьмы и офис – менеджера, у рекламного агента и бывшего зека?

Прочитав эти истории, вы найдете ответ на этот вопрос...

Содержание

Дом на краю кладбища	5
Человек-остров и К ^о	5
Человек-остров	5
Сеня, просто Сеня	10
Алкоголь, «Урал» и собака Герда	22
Неравнодушный гармонист	29
Наперстки и философия	37
Многоликий Колумб	44
Брат некрополист	51
Безумный гений	58
Гагарин и ксеноморфы	62
Руки прочь от Свирского	67
Конец легенды	81
Прогулка среди могил	89
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Алексей Шильников

Дом на краю кладбища

© Алексей Шильников, 2025 г.

Дом на краю кладбища

Роман

Человек-остров и К^о

На визитке Саши красными буквами на белом фоне написано:

Группа компаний Advertising Art
Арт-директор Александр Крит.

Это не совсем так. Не в смысле, что Саша не директор, он как раз директор и даже арт, а в том, что он никакой не Крит. Фамилия его – Каценко. Да и группы компаний никакой нет, а есть только Саша, Семён и Оля. Итак, в порядке старшинства.

Человек-остров

Александр Крит, он же Александр Сергеевич Каценко, точно знал, что в основе искусства лежит магия. Ничем иным не объяснить, почему обрёл всемирную известность человек, к примеру, нарисовавший чёрный квадрат. Он мог

бы нарисовать круг, или тетраэдр, и всё равно бы прославился. Потому что дело не в геометрической фигуре и не в том, в каком углу картину повесить, а в длани Бога, коснувшейся творца в нужном месте в нужное время.

Реклама имеет ту же природу. Можно годами рекламировать пиво и болтаться в подвале рейтинга брендов и вдруг, сняв удачный клип или придумав слоган – бац, вознестись на первые места. И ничего не поменяли ни в рецептуре пива, ни в отпускных ценах. Просто взгляд Бога мимоходом упал на рекламщика, отрабатывающего аванс, и всё изменилось.

Изначально Саша мечтал стать актёром, но последовательно провалил экзамены в два художественных училища. Его не взяли даже в цирковое. Задумавшись над вопросом жизненного пути, он осознал, что если пойдёт, к примеру, в хирурги или в пилоты гражданской авиации, то в итоге обязательно натворит неописуемых бед. Рекламный же бизнес представлялся ему, с одной стороны, вполне безопасным для жизни и здоровья окружающих, а с другой стороны предполагал определённую свободу творчества, к которому Саша тяготел. В душе он, впрочем, был актёром, и из всего старался сделать шоу: к месту и не к месту рассказывал разные истории, причём рассказчиком он действительно был неплохим. Когда-нибудь накоплю денег и поставлю спектакль, говорил он друзьям.

– А если не накопишь? – спрашивали его.

– Тогда пойду в стендап – отвечал он. – Практикуюсь я

постоянно.

У Саши были сомнения относительно прибыльности рекламного дела в его исполнении, но первый же опыт убедил его в правильности пути. Благодаря маме – учительнице английского, вдолбившей в него язык, стоивший ему многих пропущенных игр с друзьями, а ей нервов, он неплохо говорил по-английски. Опыт окупился спустя много лет. В «подвале» МК, где тогда публиковались частные объявления, он счастливо наткнулся на сообщение, что иностранная фирма ищет в России партнёра для продвижения своей продукции. Саша позвонил по указанному номеру, и ему назначили встречу. Встреча предполагалась в холле гостиницы, из чего Саша заключил, что ни офиса, ни, стало быть, особых знакомств у буржуев в Москве нет.

К встрече он готовился. Английский текст, куда он щедро вставлял термины «сегментация рынка» и «целевая аудитория», выписанные из учебника Котлера, он выучил наизусть. Термины, впрочем, буржуев особо не впечатлили. Выслушав Сашин монолог о его планах по продвижению, они коснулись несколько других аспектов: есть ли у него офис, много ли сотрудников? Саша понимал, что если скажет что мол, я пока один, то зря он весь вечер корпел над Котлером. И он ответил: да. Офис в самом центре. Шестьдесят сотрудников, четыре отдела. Ну и ещё есть партнёры, конечно.

– О, такой молодой и уже такой бизнес, – похвалили его. – Когда можно будет познакомиться с компанией будущего

партнёра воочию? Завтра можно? А то время командировки поджигает.

– Оф кос, – не моргнув глазом ответил Саша. – Завтра в десять, ок?

– Тогда в десять завтра подходите к рецепшен отеля. Я пришлю за вами своего водителя.

По дороге от отеля до метро, Саша утешал себя тем, что хотя бы лица не потерял. Не растерялся, избежал прилюдного позора разоблачения перед иностранцами. С другой стороны, он был ужасно огорчён, что его кооперация с этими иностранцами, да и с любыми другими закончена.

Без офиса и десятков сотрудников с ним никто договариваться не будет. А где их взять, если в кармане последняя тысяча рублей? А придумать!

И, на следующее утро, его приятель Сеня – водитель в коммерческом банке, усадил гостей в банковское «Вольво» и отвёз к красивому жёлтому зданию в стиле «сталинский ампир». Бывший советский НИИ, в целях выживания раздавший свои лаборатории и кабинеты десяткам разных арендаторов, шумел обычной деловой суетой: звонили телефоны, сотрудники разносили бумаги и отправляли факсы. Саша в белой рубашке водил иностранных гостей по зданию:

– Вот здесь у нас – бэк офис, – объяснял он, приветливо кивая офисному люду. – Отдел дизайна наверху. Но их лучше не беспокоить. Художники, тонкие натуры. Ненавидят, когда их отвлекают.

И Саша приветливо махал незнакомым людям. Ему улыбались, здоровались, махали руками в ответ. Так что зря вот говорят, что русские не доброжелательные и не улыбаются незнакомцам. К тому же многие думали, что это представитель арендодателя водит по зданию новых арендаторов.

Обман вскрылся только через год. Но к тому времени все поезда, как говорится, уже ушли и деньги были получены, и контракт исполнен. И, что интересно, результат заказчиков вполне удовлетворил. Они бы и контракт продлили, но когда история с офисом всплыла, воспротивился их отдел коплай-енс. Мол, корпоративные правила не позволяют им иметь дело с личностями, чей креатив заходит так далеко.

Так что с заморскими гостями Саша расстался, а заодно расстался и со своей фамилией. Он давно собирался это сделать, не пристало арт-директору иметь такую фамилию. А тут сам Бог велел переобуться. Фирмачи теперь могут сколько угодно рассказывать партнерам забавную историю, как их надул голодранец Каценко.

Он теперь Александр Крит. Почему Саша решил присвоить себе название греческого острова история умалчивает, но звучит это и впрямь артистичнее, чем Каценко.

В дальнейшем Саша ещё не раз имел возможность оценить удобство виртуального присвоения чужой собственности. В самом деле, какой смысл в этом геморрое с содержанием и управлением всеми этими типографиями и отделами дизайна? Куда проще просто раскидать контракт по специа-

лизированным конторам, а потом, собрав результаты воедино, продать клиенту со своей наценкой. Идеальная бизнес модель, основанная на таланте одного комбинатора. Впрочем, Саша к тому времени уже был не одинок.

Сеня, просто Сеня

Тот самый Семён, одноклассник и бывший водитель банка, стал его партнёром и взял на себя все вопросы распределения задач по субподрядчикам и координацию.

Имя Семён и фамилия Сенчуков не оставили ему шансов получить какую либо отличную от его имени кличку. Везде – и в школе, и в армии, и на всех работах его называли исключительно Сеней.

Он был незаменимым в вопросах практических. Правда, в стремлении найти поставщиков подешевле, он иногда перегибал палку. Раз, заказывая рекламные кружки с логотипом клиента, он отыскал в Китае доселе никому неизвестного поставщика, предлагавшего партию кружек по очень, очень хорошей цене. И кружки эти были хорошие. И вели себя как любые другие кружки, если только не наливать в них горячую жидкость. А вот если налить в них горячую, то примерно через десять секунд кружка разделялась. Ручка оставалась в руках, а сама кружка летела вниз, разбивалась вдребезги и обдавала ноги хозяина кипятком.

Так случилось, что первой жертвой коварной кружки стал

сам Сеня. Он налил кипяток, кинул в кружку пакетик с чаем, дошёл до стола и успел плюхнуться в кресло, когда коварная кружка разделилась, свалившись Семёну прямо на причинное место. Спасли шерстяные штаны – объяснил потом травматолог. Если бы не они, все могло бы быть много хуже. Вплоть до ампутации.

* * *

Когда Саша Крит был чем-то недоволен, или же хотел зацепить своих сотрудников на какой-либо подвиг, он всегда начинал издалека. Простой русский человек сказал бы, например, своим сотрудникам – ребята, вы всё делаете через жопу. Или – ребята, хорош балду гонять, займитесь тем-то и тем-то. Саша обычно тоже употреблял подобные слова, но уже в качестве подведения итога, предваряя его какой-нибудь поучительный историей, которая обычно не имела к изначально обсуждаемому вопросу никакого отношения.

Разделяющиеся чашки его расстроили. Точнее не чашки сами по себе, которые пришлось выкинуть, а деньги, которые на них потратили.

Свое неудовольствие Саша выразил традиционным способом.

Он позвал Семена, вздохнул и начал:

– Жил в одном садовом товариществе старичок, звали его Грибов Семён Палыч. Так вот этот Семён Павлович был

очень бережливый человек. В юности он мечтал стать лётчиком, но не сложилось. И в итоге большую часть своего трудового пути он проделал на картонажной фабрике и закончил там завскладом. Так что бережливость у него была профессиональная. Он никогда ничего не выбрасывал, а наоборот собирал, что другие люди выбросили и на своём участке размером в шесть соток складывал. И, в итоге, весь его участок был завален сломанными стиральными машинами, старыми автомобильными покрышками, ржавыми бочками и прочим хламом. И старыми пропановыми баллонами. Их Грибову подарили оптом, из-за истечения срока безопасной эксплуатации.

Да что им будет, они как новые! – радовался Грибов.

И тут вторая удача. Тот дядя, который Грибову баллоны подарил, пообещал их ещё и заправить за полцены. Он на газозове работал, ну и приторговал казённым газом со скидкой. Грибов очень обрадовался. Но он был старичок большой эрудиции и знал, что со временем в баллонах накапливается конденсат – жидкость, которая вес даёт, а толку от неё ноль. То есть, если слить этот конденсат, то за те же деньги газу заправишь больше. И заставил он сливать конденсат своего внука Леонида. А конденсат этот, надо вам сказать, жидкость очень вонючая. В газ специально добавляют вещества с предупреждающим запахом. Вот они в конденсате и концентрируются. Так куда же его выливать-то, конденсат? А в сортир! И запах почти тот же и экология не страдает.

Сортир на участке был. Ветхое строение из кривых досок над ямой. И вот Лёнька таскает баллоны, ставит их к стеночке так, чтобы горло баллона в дырку смотрело, и открывает. И выскакивает из вонючего сортира ждуть – конденсат медленно вытекает. И вот, когда он так очередной баллон поставил и кран открыл, раздался хлопок. Баллон не вполне пустой оказался. С газом. Лёнька от неожиданности отпрянул, баллон соскользнул и в дыру провалился. И там затонул, булькая в многолетних отходах Грибова жизнедеятельности.

Леонид испугался. Представил, какой крик поднимет дед, узнав, что баллона лишился. Ещё заставит за ним лезть, с него станется. И ничего никому не сказал.

На следующий день старый Грибов проснулся рано. Он, вообще, вставал летом рано – не спалось. Накинул халат, вышел во двор. Утро было солнечное, чудесное. Солнце сияло, дул лёгкий ветерок. Где-то прокричал петух. Старик вдохнул прохладный, ещё утренний воздух полной грудью, и проковылял в сортир. Задрал халат, присел на очко. Нашарил рукой дежурную газету – он в такие моменты любил почитать. Достал из кармана халата пачку «Беломора». Смял мундштук и сунул папиросу в рот. Черкнул спичкой и привычным движением метнул её в дыру под себя.

Адски грохнуло и в столбе дыма и пламени старик Грибов взлетел, унося на плечах ветхую крышу сортира. Это рванул подлый газ из утопленного в дерьме баллона. Старик всё-таки взлетел, в соответствии с детской мечтой о небе. Не со-

всем конечно так, как мечталось, но мечты часто не совпадают с действительностью...

В общем, вселенная наказала Грибова за скупердяйство. Меня же удивило не то, что Грибов был наказан, а то, что вселенная за одинаковые грехи и наказывает одинаково. То есть закон кармы, он сродни уголовному кодексу. Звучит странно, но если подумать, то совершенно логично.

– Как считаешь? – обратился Саша к Семену.

– Что логично?

– Что и закон кармы и УК предусматривают одинаковую кару за грехи. Ну, то есть за одни преступления – штраф, за другие тюрьма, за третьи – расстрел, в зависимости от тяжести. Всё четко. Не может быть такого, что бы за какую-то мелочь расстреляли, а за убийство оштрафовали.

– И что? Причем здесь карма и вселенная?

– И Грибову, и тебе, за скупердяйство, закон кармы ошпарил задницу. Удивительно, согласись. И логика есть.

– Ну, мне не столько задницу, а у Грибова же вообще не кипяток был, а газ рванул.

– Сеня, вот это уже частности, не цепляйся к деталям. И помни – нет побед и поражений, а есть только уроки, которые нам преподает жизнь. Как кстати, твоя пострадавшая часть тела? Болит?

– Нет уже. Но старая кожа местами слезла, под ней новая, как у змеи. Точнее как у змея...

Конечно, нельзя было сказать, что все таланты Семёна в

бизнесе ограничивались тем, что он «искал на грош пятаков». Он был по-своему креативен но, так сказать, в коммерческой плоскости. Ему принадлежала удачная идея продавать на корпоративы отечественных компаний зарубежных звёзд 80-х годов. Пробным камнем была "глэм рок группа из Ливерпуля «Бритиш бит»". Квартет возрастных танцоров из подмосковного Видного, Сеня открыл случайно. Они не только никогда не были в Ливерпуле, но вообще кроме Турции, никуда не выезжали. Зато действительно хорошо отплясывали под фонограмму европейской музыки двадцатилетней давности, и брали недорого. У них было только три программы, каждая по часу: английская, итальянская и французская, в зависимости от языка основных хитов фонограммы.

Клиенту они шли как «Бритиш бит», «Ремон де Буви» и «Дольче рагацци». Идея, на самом деле позаимствованная из мультфильма про Бременских музыкантов, обеспечивала хорошую прибыль и спрос.

Поначалу Сеня вёл учёт, чтобы не продать видновских танцоров под разными именами одному и тому же клиенту дважды, а потом махнул рукой. Лиц все равно никто не помнил, а костюмы были разные.

В общем, Сеня был на своем месте и любил свою работу. Саша Крит вот только досаждал ему иногда. В своих фантазиях тот часто терял берега и обещал клиентам несусветные вещи, нереализуемые на практике. Одному отставному ди-

ректору банка, решившему от греха подальше переместиться в землю обетованную, он обещал к торжествам по поводу прощания с Родиной изготовить его надувную копию размером с олимпийского мишку, и торжественно запустить её в финале в небо под песню Пахмутовой. Характерно, что банкира звали Михаил Яковлевич. Сеня голос сорвал объясняя Криту, что идея это невероятно сложна технически. При запуске настоящего мишки в 80-м году были жертвы. Не говоря уже о космической стоимости, и невозможности в принципе такую идею согласовать с Росавиацией.

Фантазии Саши не знали границ, а Сеня трансформировал их в практические дела. В итоге под «До свидания наш ласковый Миша...» гости запустили обычные воздушные шарики с портретом банкира. Михаил Яковлевич прослезился.

Количество клиентов и заказов росло, и со временем Сеня перестал справляться с огромным количеством рутинной работы. Нужен был человек на роль секретаря и офис менеджера, что бы хоть как то упорядочить этот информационный шторм. Так в офисе появилась Оля Брускетта, которая не знает, что она Брускетта.

* * *

Весь век прошедший и нынешний, женщины борются за свои права, и это многих раздражает. Причём как мужчин,

так и женщин. Я считаю, что женщины ещё очень поскромничали, требуя одинаковых с мужчинами прав. Им следует требовать гораздо больших прав, чем у мужчин. Почему? Да потому, что они лучше. Они добрее и, в целом, они мудрее. И они выстрадали особое к себе отношение. Они куда более чувствительны к несправедливостям судьбы, чем мужчины. Мужчины, конечно, тоже могут быть недовольны носом картошкой или недостаточно волевым подбородком. Но, представляете, сколько страданий доставляет девушке мысль, что её попа недостаточно красивая, а грудь слишком мала. Этот трагедия и навязчивая идея. И целая индустрия пластических хирургов и психотерапевтов по всему миру, зарабатывает на этой беде слабого пола миллиарды. Одни меняют внешность, а другие убеждают своих клиентов, что всё и так хорошо. Но что делать девочке из маленького посёлка, где нет ни хирургов, ни психологов, а из спортивных секций только секция самбо при клубе?

В младших классах Олю мальчишки дразнили бомбой и жиртреской, а в старших, вообще не обращали на неё внимания, что было даже обиднее. Подружкам назначали свидания и устраивали сцены ревности, а она примерила на себя эдакую роль подружки – лягушки, которая и утешит, и посоветует, а сама не в деле. Где уж нам уж выйти замуж.

В её выпускной год её отца – офицера, наконец, перевели в Москву, о чём он давно мечтал. Всё семейство было в волнении. Батя примеривал на себя новые погоны и карьерные

перспективы, мама грезилась о театрах и выставках, как компенсации за лишённые культурного досуга годы, проведённые в глухих гарнизонах, а у Оли были свои мечты и надежды. Однако куда больший выбор кандидатов в милые друзья в столичном мегаполисе осложнялся и куда большей конкуренцией. Оля ещё и усугубила это тем, что поступила в МГПУ, куда в плане дел амурных стоит поступать только записным парням – ботаникам, но никак не дамам не модельной внешности. Всех приличных кандидатов расхватили ещё на первом курсе оборотистые подружки, а Оля осталась в привычном амплуа подружки – утешительницы и доброй наставницы.

По окончании вуза, выяснился ещё один минус педагогического профиля – настали времена, когда выжить на зарплату школьного учителя было непросто.

Долгих восемь лет после окончания института Ольга не могла убить в себе педагога и экономила на обедах, чтобы покупать себе китайские обновки на оптовых рынках. А потом увидела объявление «Адвертайзинг Арт» и вакансию офиса менеджера.

* * *

Ольга Савкина оказалась не такой, как представлял её себе Семён. Ему воображение почему-то рисовало чернявую, высокую и худую даму лет за сорок, довольно стержовного

вида.

Ольга не соответствовала этому образу совершенно. Во-первых, она была блондинкой, или красилась. Во вторых, худой её точно назвать было нельзя. И пришла она на собеседование как-то добродушно-радушно, по-домашнему. Уселась на стул, и плюхнула на стол рядом огромную сумку.

– Че она ещё и рюкзак «Ермак» на собеседование с собой не приперла? – подумал Саша.

А Сеня предложил даме кофе. Он вообще был галантный кавалер.

Дама не отказалась. Более того, в качестве алаверды Оля вдруг сказала:

– Сейчас время обеденное вы, наверное, проголодались? Знаете, у меня есть брускетты. Чудесные брускетты, и как раз три штуки. Я сама их сегодня утром приготовила (по школьной привычке экономить на обедах Оля таскала провиант с собой).

– А чего это? – спросил Сеня.

– Это такое блюдо итальянское типа бутерброда. Сейчас.

Ольга расстегнула свою объёмистую сумку и достала большой бумажный пакет.

– Я обычно перекус с собой беру. Сейчас я её вам положу... У вас тарелочки есть? – суетилась Оля.

Тарелочек не было.

– А что же вы тарелочки с собой не взяли? Или они у вас в сумке, – пошутил Саша, но Оля не поняла и расстроилась,

что без тарелочек может насорить тут брускеттой.

– Я потом подмету, – пообещала она.

Брускетты были огромные.

– Вы что, одна собиралась их все три съесть? – спросил Саша.

– Ага. Но это же на весь день. До вечера, – подтвердила Оля.

– Значит, мы вас голодной оставили, – продолжал язвить Саша.

Не переживайте, у меня ещё есть в сумке пирожки и шоколадка. Могу даже с вами поделиться. Хотите?

* * *

– Ну и как тебе эта брускетта, – спросил Крит Сеню, когда та ушла.

– Ничего, вкусная.

– Да нет, Семён. Я про Ольгу эту.

– Неужто, у неё в сумке ещё и пирожки были? Сумка здоровая, туда в принципе и поросёнка засунуть можно.

– Я про работу. Берём или поищем ещё?

– Берём, берём. Хорошая вроде тётка, – поспешно согласился Семён, которого пугала перспектива в одиночестве разгребать образовавшийся завал в корреспонденции. Тем более, что больше кандидатов пока не объявилось...

Так Оля стала сотрудницей «Адвертайзинг Арт» и полу-

чила подпольную кличку Брускетта о которой не знала, но, возможно, догадывалась.

Алкоголь, «Урал» и собака Герда

Сеню разбудила Герда. Сначала она не слишком деликатно толкала его холодным носом в щёку, а когда он попытался укрыться одеялом, она достала его и там, засунув под одеяло морду, и громко сопя. Сеня схватил Герду за ухо, зевнул и потянулся, уронив на пол подушку. Пылинки кружились в солнечных лучах, пробивающихся через окна мансарды. Было слышно, как вдалеке простучала по рельсам электричка. Сеня сел на кровати. Герда сидела напротив, нетерпеливо на него глядя. Казалось, сейчас она пролает: «Вставайте граф, вас ждут великие дела!»

А дела Сеню ждали хотя и не великие, но очень даже приятные и интересные. Вчера он привёз на дачу «МЗМ 72», 1961 года выпуска – мотоцикл из последней линейки Ирбитского завода, почти полностью копировавший немецкий «BMW R71». За исключением только вилки, да алюминиевых ступиц колёс. Сеня предвкушал процесс восстановления раритета и его грела мысль, что пятидесятилетнего ветерана он взял почти даром, чуть не по цене металлолома. Одевшись и позавтракав, он двинул в гараж. Открыл обитые оцинковкой ворота, вдохнул запах старого железа, бензина, машинного масла и сосновых верстаков и подумал: «Ничего нет лучше субботнего утра на даче».

Выкатил Ирбитский «Урал» и ещё раз порадовался за се-

бя и за него, что так задёшево взял такого красавца! Пора было приступать к детальной диагностике. Сеня разложил инструменты, Герда уселась рядом. Когда-то Сеня пытался научить её подавать ему инструменты но, то ли он был плохим учителем, то ли Герда не проявила должного усердия, но из этого ничего не вышло. Мотоциклетный шлем Герда, правда, научилась приносить. Итак, Сеня разложил ключи и принялся за разборку двигателя. Сегодня ему предстояло ещё одно мероприятие, и надо было сгонять в магазин на станции. Сосед по даче, сварщик по профессии, помог ему с увеличением гаража – необходимо было больше места для всё увеличивавшейся коллекции мототехники. Старик был старой закалки и за работу, которую не считал значительной, предпочитал брать уважением. Уважение, в его понимании, подразумевало выслушивание истории его поучительной жизни. При этом, если кто-то отказывался преломить с ним хлеб, Ильич, так его звали, воспринимал это как крайнюю степень неуважения.

Иными словами, в обмен на сварной каркас гаража, Сене вечером предстояла пару часов разливать, пить, закусывать и мотать на ус мудрость ветерана. Иногда хорошо было задавать уточняющие вопросы, но перебивать было противопоказано. И всё бы ничего, но проблема заключалась в том, что отношения Сени с алкоголем были особенными.

Вообще, по отношению к алкоголю, все люди делятся на несколько категорий.

Первая – самая многочисленная. Это те, кто пьет, потому что им скучно. Жизнь скучна и однообразна, и чтобы окончательно не впасть в уныние в конце рабочей недели они, так сказать, пускают пар в свисток локомотива жизни – набираются с коллегами по работе или даже со случайными людьми, а часто даже одни, у телевизора. Это – пьяницы пятницы. Для них важно раскрасить вечер пятницы яркими красками, создать мотивационный задел на следующую неделю. Накатил, – и анекдоты становится смешнее, и передачи в телевизоре интереснее, и женщины красивее. И жизнь, в общем-то, неплохая штука. У этих ребят, иногда бывает, конечно, продолжение праздника в субботу и даже в воскресенье, но это, скорее исключение. Обычно выходные у них наполнены приятными воспоминаниями пятницы, а в понедельник они тащатся на работу, теща себя мыслью, что в итоге неизбежно наступит пятница, полная огня и приключений.

Вторая категория пьющих это те, кого жизнь не устраивает от слова совсем. Нет в жизни счастья, – постоянно твердит им их разум, и они с ним даже не спорят. Алкоголь не приносит им особой радости но, по крайней мере, проклятый рефрен «жизнь – говно» временно умолкает. Это пьяницы – одиночки. Они, конечно иногда пьют и в компании, но это чисто ситуативная история. Обычно, они пьют в одиночестве, по вечерам, когда ощущение тоски и бессмысленности бытия особенно остро и пронзительно.

Третья категория это люди, которых алкоголь уводит в та-

кой чудесный мир счастья и радости, что все остальные реалии перед ним меркнут. Эти, начав как первая категория с праздников по пятницам, постепенно убеждаются, что незачем обременять себя бессмысленными ограничениями места и времени и начинают пить всегда, когда есть что выпить. Эти ребята заслуживают сочувствия и сострадания, хотя окружающие и общество в целом, ведут себя по отношению к ним прямо противоположным образом.

Есть, говорят, ещё четвёртая категория. Это люди, которые не имея ограничений ни по состоянию здоровья, ни по религиозным убеждениям, не пьют совсем. Ну, не знаю. Я, лично, таковых не встречал. С другой стороны, я и полностью покрытых шерстью людей не встречал. А они существуют.

Сеня относился к пятой категории. Редкой категории тех, кто пьёт в компании, потому что не выпить как-то неудобно. Ну, как не выпить с друзьями пивка после футбольного матча? Не минералку же пить. Как не поддержать тост за именинника? Проблема была в том, что Сене, что называется, было не много надо. Та доза, которая для обычного выпивохи средней руки была разминкой, Сеню валила с ног. Он засыпал на вечеринках, и вырубался в электричках. И пробуждался подчас в самых неожиданных местах... После одного такого исчезновения Крит даже подарил ему в шутку брелок – трекер, что бы была возможность отыскать Сеню при исчезновении. Шутки шутками, но на всякий случай Семен

прицепил брелок на ключи, и всегда носил с собой.

При этом, Сеня не испытывал от алкоголя особого воодушевления. Разочарования, которое требовалось заглушить, он тоже не испытывал. Вы спросите – да что же это за человек такой? Чем же он живёт? Чем же такие люди заполняют пустоту внутри? Как такие люди вообще могут существовать? Могут. Если у них есть увлечение. У Сени увлечений было даже два: мотоциклы и собака. Если вы подумали, что Сеня был из тех мотоциклистов, что выезжают в мае на набережную, чтобы похвастаться новым Ducati, то вы ошибаетесь. Сеня реставрировал мотоциклы. Нет, он конечно тоже на них ездил, но совсем не так, как гоняют на своих железных конях по ночам байкеры. Восстановив очередной раритет, Сеня выгонял его из бокса, заводил и по кругу торжественно объезжал гаражи, испытывая одновременно удовлетворение от хорошо сделанной работы и от обладания таким экземпляром. В основном, в его коллекции были советские агрегаты, но был и трофейной Zundapp 43-го года выпуска. Его Сеня отыскал в деревне под Брянском. Почти семьдесят лет машина простояла в сарае, заваленная хламом, но на удивление хорошо сохранилось. Тем не менее, восстанавливать её пришлось особенно долго и трудно. Почти все компоненты под замену пришлось изготавливать индивидуально...

Вторым хобби Сени была немецкая овчарка по имени Герда. Изначально, щенка подарили бате Семёна соседи по да-

че. Предполагалось, что она будет сторожем, когда подрастёт. Появление щенка совпало с Сениным отпуском, который он проводил на даче, восстанавливая очередной мотоцикл. В периоды вынужденного простоя, вызванного отсутствием необходимых для ремонта деталей, Сеня развлекался тем, что пытался дрессировать щенка и, в конце концов, так с ним подружился, что забрал его домой в Москву. Жена не оценила ума и обаяния Герды, хотя Герда делала всё, чтобы ей понравиться: виляла хвостом, улыбалась и даже давала лапу. Ничего не помогло.

– Городская квартира не для таких крупных собак, – пеняла жена Сене. – И как вообще можно было принять такое решение, не посоветовавшись со мной?

Матушка Сени потом говорила, что жена ушла от него из-за мотоцикла и собаки. Потому что молодые женщины требуют внимания (да и не только молодые тоже). А какое тут внимание, если всё свободное время Сеня или чинит мотоциклы, или дрессирует собаку?

Собственно, так и было. Если Сеня не возился с мототехникой, то он занимался с Гердой и наоборот. Часто он даже совмещал эти занятия: перебирал двигатель, а Герда сидела рядом и слушала про отличия мотоцикла «Восход» от мотоцикла «Восход ЗМ», про которые ей рассказывал Сеня за неимением других слушателей. В итоге, Сеня с Гердой переместились из городской квартиры жены обратно за город. Сеня не особо расстроился, а Герда так вообще была рада

вернуться в родные пенаты.

Неравнодушный гармонист

Иносказание Ильича «пивка мне поставишь» Сеню не обмануло. И он взял в магазине на станции бутылку «Столичной» водки, карбонад, ветчину, скумбрию и банку огурцов. Потом, подумав, взял ещё бутылку водки – сегодня мероприятие планировалось у него дома, а значит пробуждение в депо электровозов или в отделении полиции ему не грозило.

Погрузил всё это в коляску разъездного «Урала», попрощав Герду подвинуться. Завёл уже было раритет, но подумал, вернулся и взял таки упаковку пива, на всякий случай.

Ильича следовало обязательно позвать. При этом он для блезира некоторое время упирался – дескать, ну что вы, я же шутил. Да и ни к чему всё это...

Сеня остановил мотоцикл у дома Ильича и посигналил, а Герда залаяла. Ильич появился не сразу. Наконец калитка приоткрылась. В щель выглядывал Ильич в тельняшке и трениках.

– Семён ты ко мне что ли? – ненатурально изобразил удивление Ильич.

– Катер подан, капитан. Пора!

– Куда? Я только начал погреб разбирать...

– Давай моряк, поднимайся на борт, корабль отплывает!

– Плавает говно, а пароходы ходят – возразил Ильич, забраясь на сидение позади Семёна.

Водку Сеня сунул в морозилку, а потом нарезал и разложил по тарелкам ветчину и карбонат. Отдельно нарезал скумбрию, открыл банку с огурцами, подготовил три стопки. Расставил всё это на столике на веранде. Грех было в такой вечер сидеть в доме. И придвинул садовые стульчики. Принёс и поставил в центре стола запотевшую бутылку. Оглядел натюрморт – получилось хорошо.

– Хорошо, – так и сказал Ильич, усаживаясь на стул. – А третья рюмка для кого?

– Для Герды.

– Чего?

– Герде тоже нальём, а то обидим. Герда, иди водку пить, – командовал Семён.

Герда, до этого внимательно следившая за Сениными приготовлениями, быстро подошла, уселась, положила лапу на стол и пододвинула стопку лапой. Этому фокусу Семён обучал её особенно долго.

– Ну и ну! – Ильич чуть не упал со стула. – Что вот возьмёт и выпьет?

– Ага. Налей ей. Только много не наливай.

– Да мало будет пузыря-то на троих, – неуверенно произнёс Ильич.

– Ты прав, капитан. Тем более, Герда как выпьет, так начинает песни петь. Поговорить не даст.

– Герда, отбой, – командовал Сеня.

Герда с обиженным видом убрала лапу со стола.

– В следующий раз бухнём, утешил её Сеня и дал ей кусочек ветчины. Иначе обидится, – объяснил он Ильичу.

– Чего, вот впрямь берет лапами, подносит и выпивает? – недоверчиво спросил Ильич.

– Нет, так она пока не умеет, – вздохнул Семён. – Просто берет зубами и опрокидывает.

– А потом?

– Потом закусывает, как и мы.

– Дела... Видел я пьющих собак, но чтоб сами стопку опрокидывали, это конечно номер...

– Тут уж пришло время удивляться Семёну.

– Да где же это ты, Ильич пьющих собак видел? Или это иносказание?

– Я, когда на старой квартире в Бескудниково жил, у нас в подъезде на втором этаже жили народные целители. И вот у них была пьющая собака.

– А причём здесь целители народные? И как, вообще, такое возможно?

– Ну, они травами лечились. Бабка ездила по Савеловской железной дороге на электричке за город, в леса, и там эти травы собирала. Потом на водке настаивала. И пила эту настойку вместе с мужем. Лечились.

– От чего лечились?

– Хрен знает. Напьются своих настоек и давай друг с другом скандалить. До драки дело доходило. Дед, в конце концов, пырнул старушку ножом, кстати. Не до смерти, правда.

– А собака?

– А собака у них, здоровенная дворняга была, Цыган. И тоже заболела, и стала бабка её лечить. А чем её лечить, если они народные целители-травники? Настойкой, понятно. И вот, они сначала настойку с сырым яйцом мешали и в пасть ей заливали. А уж потом она сама приучилась настойку из миски лакать. В лифт заходишь, а от неё перегаром прёт, не продохнуть. Она на лифте сама приучилась ездить, кнопки правда не нажимала, – пояснил Ильич.

– Да, повидал ты жизнь, Ильич – вздохнул Семен.

– Раньше все соседи по подъезду друг друга знали, – кто где работает, кто где учится. Теперь совсем не то. Убивать будут в соседней квартире, а не никто и не почешется, не подумает вмешаться. Максимум ментов вызовут.

– Так и правильно, вызвать полицию. Их же дело.

– Да пока полиция приедет, уже и спасать будет некого. В том и беда, что теперь все считают, что это не их дело. Капитализм. Каждый за себя. Раньше не так было.

«Ну, всё, любимая тема Алексеевича – как раньше было хорошо, а сейчас плохо» – подумал про себя Семён.

– Раньше люди чувствовали свою ответственность за страну. Кто, если не я? – так люди думали, продолжил Ильич. – Интересовались не только тем, что в соседней квартире происходит, но и вообще!

– Вот, к примеру, году 83-м, кажется, монтировали мы систему охлаждения в гастрономе. Новый гастроном, это то-

гда было событие. Не то, что сейчас – куда не плюнь, везде жратву купить можно. А тогда новый продуктовый магазин, это для всего района праздник. Народ ждёт, обсуждает... На первом этаже, значит гастроном, а в подвале холодильные камеры. Потому что невозможно гастроному без холода. И мы их монтируем, вешаем испарители, тянем трубопроводы, дружно работаем. Вот сейчас что? Сели люди бухать, поспорили и один другого зарезал! А у нас в бригаде ни разу даже драки нормальной не было, хоть и бухали, считай, каждый день. И народ был очень разный. Дядя Миша, к примеру, бригадир, тот вообще лет шесть сидел и ничего, никого не зарезал. А уж насколько был нервным, чуть что, сразу за молоток хватался...

– Ильич, ты вроде начал про то, что советские люди неравнодушные были?

– Да, так вот. Работаем мы дружно, а всё равно не успеваем в срок. То Толя Тамбовский заснёт в щитовой на изоляции, то ещё что-нибудь.

– Так вы пили, что ли, там на работе?

– А что ещё делать? К примеру, кончилось у нас медная труба. А без неё как трубопровод вести? И рабочий день в разгаре. Никто и не думает бросить рабочее место, сидим, пьём. Ждём трубу. А ситуация накаляется. Приезжает мастер Швырёв. Орёт, ругается. Без премии, говорит, все останетесь. Сами, говорит, будете заказчику причины задержки объяснять и акт подписывать. Миша только сопит, терпит.

Вот ведь какая выдержка у человека. И это при том, что он человека чуть не убил, и из-за своего не сдержанного характера срок мотал. И вот как-то сидим мы, уже вечер. Уже скоро восемнадцать часов, рабочий день закончен, можно по домам.

И тут к нам в подвал спускается товарищ. В пальто, в шляпе, с папочкой. Заказчик. Говорит: «Здравствуйте, как идут дела?» Дядя Миша к нему подскочил, поздоровался очень вежливо. «Работаем» – говорит, с утра до вечера. «Вот рабочий день уже закончился, а мы все здесь, на боевом посту». «Ну, показывайте» – говорит дядя. И дядя Миша ему показывает и объясняет: «Это вот холодильный агрегат ФАК, на фреоне работает. Этот трубопровод, его сейчас спаяем, с испарителем соединим, заизолируем и готово. Чуть-чуть осталось».

«А почему так медленно?» – дядя спрашивает. – «Тут работы на неделю, не больше, а вы сколько возитесь?»

«Ну» – Миша ему – «Это только с виду всё просто и быстро, а на деле трубу надо отжигать, резать, гнуть, паять, да ещё и изолировать потом».

И тут мы видим, что товарищ этот не то чтобы пьяный а, так сказать, немного навеселе. И дядя Миша идёт ва-банк, говорит: «Вот рабочий день уже считай, закончен, не желаете ли немного выпить с рабочим классом?»

И товарищ говорит: «Ну что же, это можно».

Мы все прям выдохнули, значит, подпишет акт. Быть нам

с премией. Допили мы с ним, значит, что у нас оставалось. Он нам пожелал работать, засучив рукава и собрался уходить. И тут дядя Миша ему: «Давайте уж сейчас акт подпишем, чего тянуть. А уж мы все недоделки исправим, не беспокойтесь». А товарищ говорит: «Какой акт?»

«Ну, – говорит дядя Миша, – акт приёмки. Который у вас в папочке».

«Нет, – смеётся товарищ, – там никакого акта. Там у меня только самоучитель игры на гармошке».

«А кто же вы тогда такой?» – удивляется дядя Миша.

«А я, – говорит этот гармонист, – просто равнодушный человек. Хожу, говорит, в свободное время, проверяю, как работы идут. Указываю людям на недостатки».

– Вот, – подвёл Ильич итог, – равнодушный человек. Не лень было зайти с улицы, потратить время, узнать всё ли хорошо, как работа идёт. Сейчас так вот кто зайдёт? Нет. Нет сейчас никому до этого дела. Капитализм.

– А дальше что?

– Дальше что... Стоит этот гармонист, улыбается. Думает, что сейчас его похвалят и руку пожмут за то, что он на недостатки указал. Дядя Миша засопел и начал на месте топтаться, а это недобрый знак. Мы все в стороны разбежались. Молотка, хорошо поблизости не было, мы уже инструмент прибрали. Там гума лежала – трубка такая резиновая для изоляции, в руку толщиной. Ей Миша гармониста по башке и хватил. Он бы его убил, конечно. Но споткнулся о ступеньку

и упал, а гармонист успел в проём выскочить. Шляпу только свою потерял. Её дядя Миша всю в ярости истоптал, как бешеный слон...

– А премию то в итоге дали вам?

– Какой там. Наоборот, ругали на собрании коллектива. Дядя Миша оправдывался. «Во-первых, – говорит, – трубы не было, во-вторых ходят по объекту всякие, отвлекают от работы». – А потом дядю Мишу...

– Но тут от ворот раздался женский голос:

– Семён!

– Ну, Ильич, по твою душу, – Семён подошел к окну.

– Семён, Сергей Ильич у тебя? – продолжали вопрошать с улицы.

– Да здесь я, здесь, – откликнулся Ильич.

– Ща я быстро переговорю и вернусь, – махнул он Сене. – Расскажу, чем дело закончилось. Ты наливай пока.

Вернуться в этот раз, однако, Ильичу было не суждено.

Сеня слышал, как удалялись голоса.

– Пивка немного выпил, – оправдывался Ильич, в ответ на визгливые обвинения жены.

Всё, что Господь ни делает, всё к лучшему подумал Сеня, убирая водку.

Наперстки и философия

Давным-давно, на излёте советской эпохи, два молодых человека – очень умный и просто умный, ехали на машине «Волга» в Московский Южный порт, чтобы купить там новую резину для этой самой машины «Волга». На руке очень умного молодого человека были часы «Ролекс», доставшиеся ему от отца, военного атташе во Вьетнаме. «Волга», к слову говоря, тоже досталось ему от отца. Приехали они в Южный порт, и стали там бродить в поисках колёс. Колёс они не нашли, а нашли вот что: в квадратном закутке между двумя зданиями сидел на корточках рыжий худой тип с бородой, а перед ним на куске картона три стаканчика металлических. «Кручу, верчу, обмануть хочу» – бормотал тип, перекатывая стаканчиками шарик. Вокруг собралась толпа.

– За хорошее зрение – денежная премия! – выкрикнул рыжий и положил перед собой на картонку сиреневую купюру в 25 рублей. Это тогда были приличные деньги. Четверть месячной зарплаты продавца в магазине.

Умные ребята подошли ближе. В этом – ткнул пальцем в один из стаканчиков очень умный. Рыжий поднял стаканчик. И точно, шарик был там.

Тут, раздвинув толпу, к картонке приблизился пузатый дядька совершенно колхозного вида: в шлёпанцах, в растянутых на коленках трениках и замызганной футболке. Сзади

за штаны его придерживала цыганского вида тётка, а вокруг крутились их смуглые дети.

– Вот, – выкрикнул пузатый, нацелив на один из стаканчиков жирный палец.

Рыжий снова поднял стакан. Шарик был там.

– Смотрим внимательно, выигрываем обязательно! Ставим 25 рублей на покупку Жигулей! – продолжал декламировать рыжий.

Пузан выхватил откуда-то из-за пазухи сиреневую купюру, но тут цыганка повисла у него на руке:

– Нет! Не ставь! – вопила она!

– Нееет! – весело завопили, приплясывая вокруг них, дети. Но жирдяй, видимо, был деспот и не привык считаться с другими членами семьи. Стряхнув тётку, он плюхнул купюру рядом с купюрой рыжего и крикнул:

– Давай!

– Кручу, верчу, обмануть хочу, – запел рыжий, перекатывая стаканчиком шарик.

– Здесь! – заорал пузан, вновь устремив палец. Рыжий поднял стакан. Шарик был под ним. Толпа колыхнулась.

– За ваше везение вам денежная премия, – несколько огорчённо вздохнул рыжий, а пузан сгрёб здоровенной лапой купюры и показал их толпе.

– Ай, хорошо, ай молодец, – радовалась теперь цыганка. Она даже присела от радости, видимо не веря своему счастью. А цыганята прыгали вокруг, выкрикивая что-то вроде:

– Вот хорошо-то, ай, как хорошо!

Рыжий начал было опять свою волынку про «кручу верчу», но тут его взгляд упал на очень умного молодого человека, точнее, на его часы на руке.

– Чтобы было веселей за часы 500 рублей, – симпровизировал рыжий и выложил на картонку пять новых желтеньких купюр с портретом Ленина. Толпа ахнула. Просто умный молодой человек пытался, как цыганка до этого, удержаться очень умного от безрассудства, но безуспешно.

Очень умный, снял отцовский «Ролекс» и положил рядом с банкнотами.

– Кручу, верчу, обмануть хочу!

– Вот! В этом!

Рыжий поднял стаканчик. Там было пусто.

Почти сразу же, откуда-то сзади появился милиционер и, ласково хлопнув рыжего резиновой дубинкой, увёл его. Причём рыжий при этом, мимолётным движением сгрёб и часы, и деньги, и даже картонку со стаканчиками. Буквально несколько секунд и они исчезли, как будто их никогда и не было.

Толпа разошлась. Асфальтовый пяточок опустел. В протрации и полный горя, очень умный побрёл к машине, просто умный вздыхая, шёл следам. По дороге они увидели ещё одного фокусника с шариком и стаканчиками, правда, теперь это был безбородый шатен. Зато счастливицы, выигравшие двадцать пять рублей, были те же и как раз переживали

момент очередного триумфа.

– Ай, как хорошо! – визжала цыганка.

– Вот хорошо-то, – вторили ей, приплясывая дети.

– Вот скажите мне, други, – Саша Крит впервые прервал свой монолог вопросом, – Скажите мне, как вообще такое могло быть? Как очень умный молодой человек мог взять, да и просрать папины часы?

Сеня помялся, ожидая, что вопрос риторический, а Брускетта предположила:

– Ну, может он и не очень умный? Может он как раз наоборот, очень глупый? А очень умным его считают, потому что у него на руке часы «Ролекс», а ещё потому, что папа успел пристроить его в престижный вуз и оставить ему в наследство дачу, машину и квартиру в центре Москвы?

– Нет, Оля, нет, – Крит покачал головой. – Очень умный впоследствии стал миллионером. Сам, без всякого папы, разбогател на финансовых операциях. Заметь, не приватизировал какой-нибудь завод, где он был директором, не украл бюджетные деньги, а последовательно сколотил состояние, вкладывая денежки в правильные акции. Но это в будущем. А тогда на обратном пути в машине он временами глядел на свою руку без часов и повторял: «Не понимаю. Не понимаю, как? Какой-то гипноз. На меня как будто что-то нашло».

– И это все, что вам следует знать про телефонных мошенников и про тех, кто соглашается на рекламные предложения, – неожиданно завершил свой рассказ Крит.

Сеня оторопел:

– А причём тут телефонные мошенники и реклама? Ни того, ни другого в Союзе в те времена вообще ещё не существовало.

– А природа явления одна, – вздохнул Крит.

Вот подумайте:

– Богатая тётя передает мошенникам сорок миллионов рублей! Сорок миллионов, Сеня! Чтобы те положили их на безопасный счёт. Неделю носит им деньги. Ты скажешь – ну дура, эта тётя. Дура – не дура, а сорок миллионов как-то заработала. Вот у тебя, у умного, есть свободные сорок миллионов, чтобы раздать их мошенникам? Вселенная иногда наказывает нас, не разбирая, кто попал под раздачу: богатые или бедные, умные или глупые.

– А реклама тут причём? – продолжал недоумевать Семен.

– А я тебе на примере поясню. Вот тебе звонят разные провайдеры интернет-услуг с предложением подключить тебе интернет?

– Ну, звонят.

– А ты им говоришь спасибо, у меня уже есть интернет. Потому что в Москве в наше время проще найти пользователя беспроводным телеграфом Попова, чем того, кто ещё не подключен к интернету. И они это лучше тебя знают. И всё равно звонят. Мне самому сто раз звонили с предложением поменять поставщика услуг интернета, объясняя, что у нового провайдера интернет настоящий, а у старого – говно,

а не интернет. И я точно знал, что новый от старого ничем отличаться не будет. В лучшем случае, только потрачу время на переподключение, и деньги на новый роутер, а в худшем, новый интернет будет хуже старого. И вдруг я, в один прекрасный день, очередной звонящей с этим предложением девушке говорю: «Окей, давайте попробуем». И я купил новый роутер, я день убил на все эти подключения и настройки, а теперь дома включая компьютер, смотрю на него и думаю: «Не понимаю. Не понимаю, зачем я это сделал? Как будто что-то на меня нашло». Это я к тому, что при обзвоне клиентов, рано или поздно найдётся тот, кто согласится поменять провайдера или согласится перевести деньги на безопасный счёт. При этом, этот клиент не обязательно идиот. Возможно, именно в этот момент вселенная вспомнила о его грехах, и наказала временным помутнением рассудка.

– Да, вот у меня тоже так же было. Это было просто навяждение какое-то, просто помутнение рассудка. Встретила я одного мужчину – высокий, спортивного типа..., – начала Брускетта, но Саша не дал ей продолжить рассказ, сердито махнув рукой.

– Сегодняшняя история должна была иллюстрировать важность прямого общения с клиентами, – сердито пояснил Крит.

И, хотя Семён не видел прямой связи между пользой обзвона клиентов и мошенниками из восьмидесятых, спорить он не стал.

– Хорошо, Саша, сейчас мы ещё раз обзовем всех потенциально интересных, – согласился он.

А Брускетта вообще обиделась, что ей не дали рассказать про её наваждение и не удостоила Крита ответом.

– Давайте ребята, вперед. Только личное общение может вывести на сделку, только живой разговор. Все эти электронные письма с приглашением к сотрудничеству – это мусор для папки «спам». Лучше звонка ничего нет. Ну, разве только шантаж и угрозы. Шутка.

Уже выходя из кабинета, Семён спросил:

– А это история с наперсточниками правда?

– Чистая. Слово в слово.

– А кто там второй?

– Какой второй?

– Просто умный молодой человек.

– Догадайся.

– Ты.

– Я.

Многоликий Колумб

Крупная компания – импортёр сигар, трубочных табаков и табаков для самокруток, собиралась отпраздновать своё пятнадцатилетие.

В рамках празднования, помимо роскошного фуршета и шоу, предполагались и подарки для гостей и сотрудников. Помимо обычных подарков, типа курительных трубок и наборов табака, компания хотела сделать особо дорогим гостям вип-презенты, что-то оригинальное. Саша где-то вычитал, что в Генуе, на родине Колумба, ему стоит памятник с надписью «Человек, который верил и победил, потому что верил». Ассоциативная цепочка Колумб – Америка – табак, в общем-то, очевидна, но Саша пошёл дальше. Он предложил изготовить миниатюрные бюсты Колумба с этой надписью, но одновременно придать Колумбу некоторые черты основателя компании Игоря Евгеньевича. Но так, чтобы сходство не слишком бросалось в глаза. То есть вроде как Колумб, но немного Игорь Евгеньевич. Один открыл Америку, другой – компанию. И с табаком тоже хорошо получается: один это дело начал, другой продолжает. Можно сказать, последователь. И даже слова про человека, который верил и победил, потому что верил, можно и к Игорю Евгеньевичу отнести. В общем, идея понравилась руководству фирмы, а Игорю Евгеньевичу решили до поры до времени не говорить.

Потом, когда заказ готов будет, решили невзначай, показывая статуэтку ему сказать: «Игорь Евгеньевич, а Колумб на вас похож». Такой вот тонкий подхалимаж.

Когда Саша поделился идеей с Семёном, тот не знал то ли плакать, то ли смеяться. Ну где взять статуэтку Игоря Евгеньевича – Колумба, да ещё по приемлемой цене? Однако всё оказалось не так страшно. Знакомый шаржист с Арбата сказал, что без проблем добавит Колумбу черты Игоря Евгеньевича, или наоборот. «Дайте мне только две фотки, а я уж их совмещу» – заверил он.

Проблемы начались с изготовлением. Запросили заводы в Европе, России и Китае. Надежда была, конечно, на Россию. Во-первых, своя бронза, родная. И рабочая сила дешевле, чем в Европе. А во-вторых рядом, не Китай, по любому. Китай ответил первым – дешево, но долго. Вторыми ответили европейцы. Цена дороже, но главное – сроки тоже долгие. К юбилею не успевали. Семён запросил их на предмет сокращения сроков, но из Голландии ответили – сроки сократить не можем. Дело в сырье, мы его из России получаем, а это путь неблизкий, понятно.

Осталась надежда только на своих, на русский завод. А он на письма вообще не ответил, а по телефону сказали, что отлить они смогут только по заготовке, никаких фотографий. У нас тут не скульптурная мастерская. Помог тот же шаржист с Арбата. «Да не вопрос» – сказал. «Я вам Игорь Евгеньевича Колумба и нарисую, и изваяю из гипса. Платите

деньги». И изваял. Чтобы ускорить процесс Семён сам, время поджимало, с гипсовым бюстом поехал на завод. Благо недалеко – под Каширой.

Заводчане встретили его без особой радости. Долго рассказывали, что благодаря Горбачёву, Ельцину и Перестройке вот оказались без заказов, простаивают. Ну, значит, мой заказ с руками оторвут, – радовался про себя Семён. Сёню отвели в какое-то обшарпанное помещение, оказавшееся мастерской литейных заготовок, где технологи повертели гипсовый бюст в руках и пообещали скоро дать смету. Сеня уехал окрыленный. Как же! Сырье свое, оборудование простаивает, рабочие без дела сидят. Небось, приеду в офис, а смета уже готова, – думал он.

Но смета не пришла ни в этот день, ни на следующий. Через день Сеня всё-таки дозвонился до заводчан.

– А, это где бюст отлить надо, – не сразу вспомнили они. – Нет, сметы нет пока, так быстро наш отдел не посчитает.

– Слушайте, – взмолился Сеня, – ну хоть так цену назовите примерно, времени вот совсем нет, очень вас прошу.

– Хорошо, щас прикинем, – пошли клиенту на встречу на другом конце провода. – Сколько штук? Так. Ну это будет...

И назвали цену.

Не веря своему ушам, Сеня спросил:

– А сроки?

– Месяца за два-три успеем, – заверили его.

– Так это же в несколько раз дороже и дольше чем в Гол-

ландии, – возмутился Сеня. – А там даже бронзы нет своей.

– А в Голландии Горбачев тоже промышленность развалил? Нет? Вот то-то и оно, – ответили Сене.

Сеня предложил было фирме изготовить бюсты из гипса. Покрасить бронзовой краской. Но там сказали нет. Дешёвое говно только оскорбит и клиентов, и руководство компании. Только металл. Только благородная бронза. Чтобы не стыдно было на рабочий стол в кабинете поставить.

Казалось, всё пропало. Нужно было искать какую-то замену Евгеньевичу – Колумбу. Но тут опять выручил шаржист с Арбата. Он где-то в скупке цветмета нашёл большую партию бронзовых бюстов подходящего размера. А самое главное, на груди бюста как раз было место под надпись: «Человек, который верил и победил, потому что верил».

– Не волнуйтесь, – обещал шаржист. – Я бормашиной каждый бюст доработаю, это же литьё старое, годов пятидесятых, толстое. Есть где разгуляться резцу. Изменяю причёску одежду доработаю под XVI-й век, черты лица. Бородавку как у Игоря Евгеньевича нанесу, надпись. Будет даже круче, чем планировалось изначально: каждая статуэтка – индивидуальная ручная работа. Стоить, конечно, будет дороже. Но ведь каждая статуэтка уникальна!

– В общем, платите деньги. А надпись я предлагаю сделать на латыни. Так аутентичнее. Я уже и перевод сделал:

Fecit credi de didymo quem suo praesentabat exemplo.

К празднику статуэтки были готовы. Шаржист привёз их

в багажнике своего джипа. Огромный ящик. Они и впрямь были аутентичные, шаржист умело состарил и затемнил свои доработки. И они действительно все были разные, но на всех Колумб вышел каким-то старым, с одутловатым нездоровым лицом.

– А вы что хотели? Колумб тоже состарился. Это уже пожилой Колумб. Опять же, Игорю Евгеньевичу уже за пятьдесят. Этот Колумб ему ближе, чем Колумб молодой, – объяснял шаржист. – А ещё я каждому бюсту присвоил свой номер – видите в углу выгравировано. Как на орденах. Круто, да?

Сеня проверил в Википедии: Колумб действительно умер за пятьдесят лет. И кто сказал, что его всегда следует изображать молодым человеком?

Статуэтки, впрочем, всем понравились.

– Авторская работа известного московского скульптора Свирского, – говорил Саша Крит, презентуя статуэтку. – Видите, у каждой работы свой, индивидуальный почерк. И, кстати, в будущем они могут представлять большую ценность. Работы Свирского уже популярны, а в будущем могут стать бесценными. Не удивлюсь если когда-нибудь, найду их в каталоге Сотбис.

Тут Саша преувеличил, конечно. Но, строго говоря, фамилия шаржиста и впрямь была Свирский.

Празднование юбилея табачной компании прошло на ура. Был отличный фуршет и концерт. И бюсты-подарки произвели небольшой фурор. Кто-то распустил слух, что Игорь

Евгеньевич позировал известному скульптору Свирскому, а тот уже потом слегка загримировал его под Колумба...

Саша получил гонорар и благодарственное письмо от фирмы. Себе на память, он оставил один бюст на столе в рабочем кабинете, и рассказывал гостям о своем друге Свирском и его гениальных творениях.

В общем, наделали эти бюсты шумихи. Некоторые даже поверили, что со временем они станут хорошей инвестицией. И народ задумался, а как он докажет авторство, когда работы Свирского будут стоить бешеных денег? Должна же быть на бюсте где-то авторская сигнатура. И один из обладателей творения Свирского начал специальным фонариком с лупой исследовать внутренность Колумба. И обнаружил странный знак, не поддающийся расшифровке. Сашу Крита спросили, а что это? Такая необычная сигнатура у Свирского? Его инициалы так зашифрованы или что? Саша не растерялся: «Ну, знаете ли, – говорит, – Свирский, как и подобает гению, не вполне нормален. Скажем прямо – шизофреник. И вдобавок ещё и Каббалист. Метит свои произведения особыми знаками, а что они означают известно только ему. И он эту тайну не раскрывает» – добавил Саша тумана и загадочности.

В конце концов, нашлись подхалимы, которые самому Игорю Евгеньевичу доложили, что он, так сказать, послушал моделью для гениального творения безумного художника. Что тот намеренно придал Колумбу сходство с ним, и он,

Игорь Евгеньевич, теперь навсегда останется в истории. И через сто лет, говорили они, экскурсоводы в музее будут рассказывать, что прототипом шедевра был современник гения.

Игорь Евгеньевича это очень впечатлило, тем более что сходство, так сказать, было на лицо. Он изъявил желание познакомиться со скульптором и пригласить его к себе в загородный дом. Связались с Сашей.

– Нет никакой возможности, к сожалению, – ответил тот.

Свирский уединился в Тибете в горном монастыре и принял обет молчания на год.

История Колумба Игоря Евгеньевича на этом, впрочем, не закончилась...

Брат некрополист

Женщины вообще склонны впадать в крайности относительно своей внешности. Одни считают себя роковыми красотками и постят свои фото где надо и не надо не подозревая, что производят на зрителей не совсем тот эффект, на который рассчитывают. Другие наоборот стесняются даже мини юбку надеть, хотя их появление в мини многих бы обрадовало.

Оля как-то с детства привыкла считать себя не слишком привлекательной и увязла в этом заблуждении: со школьной поры прошло много лет и многое изменилось, в том числе и она. Мама честно говорила ей: «Оля, ты симпатичная молодая женщина. Да, не модель обложки с силиконом везде, но со своим шармом и изюминкой».

Оля ей не верила. Там, где надо было бы быть по раскованней и проявить инициативу она, напротив стеснялась и зажималась.

Вообще мама считала её очень доверчивой. Ругала, когда Оля подавала в переходе попрошайкам с собаками. Эти люди, говорила мама, эксплуатируют нашу любовь к животным, только и всего. Твои деньги они пропьют, а с собакой даже не поделятся.

А может у них вообще денег больше чем у нас. Может, они вообще миллионеры. Выйдет такой из перехода, снимет

свой рабочий замызганный бушлат, оденет дорогую куртку и уедет на собственном мерседесе.

«А собаке переоденет золотой ошейник» – подумала Оля.

Вопреки перепугам мамы, что «это не её, и прожжённые торгаши обдерут её как липку», Оля неожиданно для самой себя обнаружила, что ей нравится эта живая карусель общения с клиентами «Адвертайзинг Арт», а прожженные торгаши по большей части – это бывшие учителя и инженеры, вынужденные сменить ориентацию. Оля умела ладить с людьми, была тактичной и обаятельной.

И коллеги ей нравились – Семен ей импонировал вежливостью и обходительностью. А ещё он всегда хвалил её бутерброды, которыми она с ним делилась. Крита она уважала и немножечко боялась. И обращалась к нему на Вы. И ещё ей нравились его истории. Она им верила, и однажды это сыграло с ней плохую шутку...

Раз Крит зашёл в комнату, где сидели Оля с Сашей, с печальным и озабоченным видом. Ну, сейчас будет история – обрадовалась Оля. Хорошо бы про любовь и со счастливым концом.

Крит кашлянул.

– История одна тут случилась на днях. Ужас.

Улыбка исчезла у Оли с лица. Она, почему то решила, что Сашу обокрали, или какие-нибудь неприятности с налоговой. Семён, зная Сашину страсть к лицедейству, в ужасы не поверил.

– Александр, что случилось? – с тревогой спросила Оля. – Или вы шутите?

– Какие там шутки. Такая история, что я всё ещё под впечатлением.

– Да что такое случилось-то? Расскажите, если не секрет.

– Я не хочу тебя пугать.

– Напугайте меня.

– Рассказать я могу, только ты уверена, что хочешь это слышать? Ночью потом спать не будешь.

– Помру от любопытства теперь, если не расскажете. Вперёд! – Ольга даже подвинулась ближе.

– Ну, – начал Крит, – у моего отца есть друг – таксист, дядя Витя. И вот какая история с ним на днях приключилась. Под вечер уже, смена его уже заканчивалась, тормозит его женщина. Средних лет. В трауре: чёрное платье, чёрная косынка, туфли тоже чёрные. На Калитниковское кладбище. Дядя Витя смотрит на часы – далеко, да ещё пробки. Нет, говорит, извините.

– Я вам буду платить пятьдесят долларов каждый час – женщина говорит и протягивает ему пятьдесят долларов.

– Ничего себе! Пятьдесят долларов! – повторила Оля.

– Ага. Ну, понятно от такого предложения не откажешься. Поехали на Калитниковское. Там женщина вышла, велела ждать. Дядя Витя ждёт. Через минут сорок приходит, расплачивается. Теперь, говорит на Ваганьково.

– Какие-нибудь вопросы с администрацией кладбища ез-

дит, утрясает, – решил дядя Витя. – Тем более у неё сумка большая, чёрная. И с каждым разом всё больше и тяжелее заметно. Видно какие-то документы собирает. – Ну, теперь на Николо-Архангельское. А это далеко, за городом. Но деньги есть деньги, поехали. Высадил её у кладбища дядя Витя, ждёт. Долго её не было. Дядя Витя глянул на часы – а время-то двенадцать уже ночи! Неужто, думает, на кладбище кто-то из администрации работает в это время? И вот, идёт.

Крит сделал паузу. Ольга, затаив дыхание перегнулась к нему через стол, чтобы лучше слышать.

– Идёт, а сумка уже огромная, еле тащит. Села сзади, опять ему купюру протягивает. Глянул он на её руки – а они все в земле. Ахнул, и спрашивает:

– Вы что, на кладбище, могилы, что ли раскапываете?

– Да!

С этими словами Саша шутя, схватил Ольгу руками за шею.

Слегка, конечно. Просила же напугать. Эффект превзошел все ожидания. Ольга взвизгнула и подскочила. Отскоку, конечно, помешал стол. Он был тяжёлый и довольно хорошо перенёс удар, хуже было с чашками с кофе и блюдами с бутербродами – Оля с Семеном только собирались перекусить. Всё это разлетелось по полу, усыпав ковролин осколками, а на ногу Саше со стола свалился Колумб. Сбежавшиеся на шум сотрудники соседних офисов с минуту озадаченно смотрели на Крита, который охая, прыгал у стола на одной

ноге. Вокруг, причитая, суетилась Оля, а Сеня корчился от смеха в кресле.

Оля принялась было извиняться и даже предложила сопроводить Крита в туалет, что бы подставить ногу под холодную воду, чем спровоцировала у Сени новый приступ смеха, но Саша отверг это.

– Это я виноват, Ольга. Не учёл, что мои слова так на людей действуют, – печально произнес он, потирая лодыжку.

– А между тем, я рассказал вам эту историю не просто так.

Сеня было подумал, что Крит закончит повествование какой-нибудь туманной аллегорией с моралью, но речь, как оказалось пошла о вещах сугубо практических.

– Встречался с турфирмой одной, – усевшись и потирая пострадавшую от Колумба ногу, продолжил Крит.

– Они, в основном туры в Бангкок организуют. Но тут решили и на родном рынке поработать. Дело в том, что хозяйева этой компании – семейная пара. У жены есть двоюродный брат. И брат этот некрополист.

– Ужас какой, – охнула Оля.

– И вот она что, ходит, всем про своего брата рассказывает? – изумился Семён.

– Некрополист – это человек, изучающий кладбища. От слова некрополь. Не то, что вы подумали. Так вот, хобби этого брата – необычные захоронения. Неординарные истории жизни и смерти, неожиданные архитектурные решения надгробий. Этот брат уже водит экскурсии по таким местам для

друзей и знакомых но, так сказать, на безвозмездной основе. Идея в том, что бы монетизировать и масштабировать этот процесс.

– Так полно уже экскурсоводов по кладбищам. Трудно брату будет с монетизацией и масштабированием, – возразил Семен.

– Вот!

Саша Крит даже встал со стула, видимо забыв про ранение в лодыжку.

– Вот Семён, в точку! В сети полно предложений экскурсий по могилам знаменитостей. Есть ещё всякая муть типа «Мистические и проклятые места старого кладбища», но это больше любители. Но тут речь не о знаменитостях и эксплуатации суеверий. Речь о другом. Мужик этот собирает необычные истории, не получившие широкой известности. Где он их берет, понятия не имею. Может даже сочиняет. Скорее всего, сочиняет. Это не важно. А важно, интересно это или нет? И важно, как можно эту тему разогнать что бы – повторяюсь, это славное начинание превратить из кустарного промысла в серийное производство, так сказать. И у заказчиков, и у меня есть идеи по поводу того, как это сделать, но для начала необходимо посмотреть брата в работе... Правда, как я вот теперь с такой ногой буду по кладбищам хромать? – Крит с упреком посмотрел на Брускетту.

– Может мы тогда без вас, а вам расскажем потом? Или вот можно костыль в аренду взять.

– Нет уж. Пойду преодолеваю муки. Мне самому интересно послушать, можно сказать коллегу...

Безумный гений

Между тем миф, однажды удачно запущенный, зажил своей жизнью.

В Telegram канале появилась страничка посвященная Свирскому, где фанаты делились последними новостями из его жизни.

Оттуда Крит узнал, что на самом деле Свирский ни в каком не в монастыре в Тибете, а в психиатрической больнице имени Ганнушкина на Яузской набережной. Другой знаток жизни мастера утверждал, что Свирский покончил жизнь самоубийством...

Раз Саша пошёл по приведённой в обсуждении ссылке и на открывшейся странице на фоне знакомого бюста Игоря Евгеньевича Колумба крупным шрифтом было набрано: «Проклятие черно книжника».

Саша заинтересовался:

«... свечи оплывали в подсвечниках, кровь чёрного петуха, принесённого в жертву засохла на руках...» – начиналась статья. «...Асмодей приступил к ритуалу. Бронзовые фигуры, расставленные по линиям пентаграммы, каждой из которых соответствовало по одному из шестисот шестидесяти шести демонов Ада, тускло отражали свет свечей. Асмодей начал творить заклинание...».

Далее в статье описывалось, что Свирский за талант про-

дал душу дьяволу, был переименован в Асмодея и вдобавок изготовил 666 бронзовых идиолов, каждый из которых олицетворял соответствующего ему демона Ада. Каждая фигурка отличается от другой, и каждая помечена Знаком Проклятия. Если собрать всех идиолов в одном месте и произвести соответствующий ритуал, двери Ада откроются, все демоны ринутся в наш мир и наступит конец света. Сатанисты уже поставили себе такую цель – собрать идиолов, чтобы устроить апокалипсис.

Впрочем, успокоил автор, сделать это будет чрезвычайно сложно, так как идолы рассеяны по всем континентам от Азии до Антарктиды. При этом даже отсутствие одного артефакта сделает замысел злодеев невозможным: только все вместе 666 идиолов могут открыть дверь в преисподнюю.

Дальше была ссылка на сайт, где этих идиолов можно было заказать. Автор, видно, сочувствовал сатанистам и посильно облегчал им задачу...

Саша увидел цены и присвистнул. Свирский рос в цене куда быстрее, чем он предполагал своих фантазиях. Кстати, там же продавались и другие творения Асмодея-Свирского – гравюры и картины. Все на инфернальные темы, и все помечены Знаком Проклятия.

Идея не только овладела массами но и, что ещё более важно, обрела коммерческий потенциал.

Утрата монополии на Свирского Сашу расстроила чрезвычайно.

Ещё он посчитал сколько заработал бы, если бы просто продал бюсты по нынешним ценам сайта, и расстроился ещё больше.

– Проклятые шакалы украли мою идею! – Кричал Саша в кабинете. Он был так возмущен, что даже не нашёл подходящую историю, чтобы проиллюстрировать ей сей факт. – Они нас обворовали, коллеги, и что ещё хуже, они испоганили великий замысел! Они низвели Свирского – этого безумного гения, творящего вне времени, на стыке культур и направлений, до уровня сумасшедшего сатаниста. Продал душу дьяволу – ничего более избитого в теме гениев и придумать нельзя. У этих дураков, всё товар: захотел славы – выставляешь душу на торги. Ничего более оригинального для продвижения они придумать не в состоянии.

– Да, какие-то хитрованы, нас опередили, – согласился Сеня.

– Начали на хайпе Свирского деньги делать. Слепили по-быстрому убогий сайт, скупчили по антикварным лавкам пыльные неликвиды, промаркировали и толкают. Мы ведь статуэтки кому раздали? Дилерам, торгашам. А они народ ушлый. Кто-то увидел коммерческий потенциал: как же, вот товар, а вот вам и идея рекламной кампании. Вот и воспользовались. Раздали бы мы статуэтки не торгашам а, к примеру военным, ничего бы не было. Так что мы с тобой, так сказать не учли специфику целевой аудитории.

– Сами им поднесли идею на блюдечке с голубой каемоч-

кой, – внесла свою лепту и Брускетта.

– К тому же, если честно, нам такой способ монетизировать Свирского в голову не пришёл.

– И что вы предлагаете? Просто смотреть, как нас обворовывают жулики, да ещё и дискредитируют мои идеи?

– Саша, мы можем продать им оптом бюсты, у Арбатского Свирского есть ещё болванки. Нам пытаться сейчас вскочить в последний вагон смысла нет. Чтобы эту тему разогнать надо делать сайт, раскручивать его... Пока будем с этим возиться поезд уйдёт, хайп сдуется, Свирский никому уже может и не нужен будет.

– Ребята, это дело принципа. Это моя идея и я её вот просто так мошенникам не отдам.

– Да что же мы можем сделать-то? У нас на Свирского столько же прав, сколько и у них. Потому что Свирский, я про безумного гения – это миф, сказка. А реальный Свирский – это пьяница с Арбата.

– Включаем голову и думаем, как восстановить справедливость и права на Свирского. И его честное имя. Сегодня вечер пятницы. В понедельник встречаемся и обсуждаем предложения. Во вторник начинаем операцию «Руки прочь от Свирского».

Гагарин и ксеноморфы

Саша сидел у сплошной, в пол, стеклянной стены своей квартиры, и смотрел на ночную уже площадь Гагарина. Перед ним, на столике стояла бутылка Реми Мартин. Саше было горько и страстотерпно. И дело было не в деньгах, точнее не только в деньгах. Саша был удручён несправедливостью мира. Какой-то кекс с Арбата, которого за пьянство даже с работы оформителем витрин выгнали, находит чуть не на помойке старые болванки, сверлит их бормашиной, наносит пошлейшую надпись. Потом, под пошлейшую же легенду этих бронзовых болванов раздают торгашам и вот, пожалуйста – рождение легенды. Загадочный Свирский. Безумный гений. Про него сочиняют небылицы, его обсуждают в чатах, у него фанклуб. А его даже и не существует. Он просто миф, выдуманный им, Сашей Критом, чтобы заработать немного денег. Саша испытывал жгучую зависть к мифическому Свирскому.

Саша налил коньяк. Вообще, у него было правило – пятьдесят грамм в полчаса. Но, сказать по правде, он его чаще нарушал, чем соблюдал. Сегодня он тоже изменил пропорции. «Сегодня будет пятьдесят грамм в пятнадцать минут» – решил он. Саша ясно осознал, что хочет только славы. Ни власти, ни денег... «Нет, от власти и денег я бы тоже не отказался» – подумал он. «Но если бы был выбор или – или, я

выбрал бы славу. Популярность. А популярными становятся разные клоуны в Ютубе или вот, пожалуйста, воображаемые художники». Саша глянул вниз, с шестнадцатого этажа на освещённый вечерней подсветкой памятник Гагарину. Вот ведь тоже. Конечно герой. Но ведь тоже дело случая...

Саша глянул на часы: он ещё был в состоянии контролировать правило «пятьдесят грамм в пятнадцать минут». Стрелка приближалась к двенадцати. Он вспомнил, что когда то давным-давно ему рассказали, что ровно в двенадцать памятник Гагарину поднимает руки вверх, и над площадью разносится усиленный динамиками голос: «Поехали!»

Внизу у памятника, не смотря на поздний час, стояла небольшая группа людей. «Небось, гости столицы, поверили шутникам и приперлись глядеть, как Юра руками машет» – ухмыльнулся Крит.

Он пригляделся: вид спускаемого аппарата Восток, что стоял у подножия памятника Гагарину, изменился. Теперь он весь светился голубым светом, наподобие экрана монитора. Изменился не только его облик, но и поведение: Восток теперь медленно раскачивался, как бы собираясь двинуться с места. И двинулся. Сначала медленно, а потом всё быстрее он покатился и начал описывать круги вокруг памятника Гагарину. Приблизившись, Саша увидел человека сквозь ставшую теперь прозрачной стенку сферы Востока. Саша совершенно не удивился: он всегда знал, что внутри аппарата должен был быть человек. Женщина стояла внутри сферы во

весь рост, упёршись в потолок руками и расставив ноги. На ней был оранжевый спортивный костюм с надписью СССР. Такой был когда-то у Сашиной мамы, и она надевала его, когда водила Сашу на каток в Сокольники. Женщина раскатала сферу и покатила в ней, ловко меняя скорость и направление движения, а иногда заставляя сферу крутиться на месте наподобие волчка. «Предполетная тренировка» – понял Саша. Женщина явно получала удовольствие от тренировки. Она, улыбаясь делала шуточные реверансы и поклоны, на мгновение открывая руки от потолка, а раз даже послала Саше воздушный поцелуй. «Так это же Брускетта» – узнал Саша лицо. Саша заворуженно следил за акробатическими этюдами Брускетты, которые всё больше напоминали цирковое представление. Брускетта крутилась и вертелась как гимнастка на арене, а сфера теперь меняла цвета при каждом замысловатом па космонавтки.

Неожиданно сзади, и как-то сразу со всех сторон раздалось шипение, хрип, какое-то злое пощелкивание. Саша оглянулся. Из тьмы, из каких-то остовов огромных разбитых механизмов, к памятнику ползли жуткие чёрные твари. Вспышки сферы бликовали на полированных чёрных панцирях, похрустывали железные сочленения конечностей. «Надо предупредить Брукету» – понял Саша, но одновременно и осознал, что как только даст знать Брукетте об опасности, тот час же станет видимым для чужих. Что это ксеноморфы, Саша совершенно не сомневался. Пока Саша решался

пожертвовать собой, чтобы спасти Брускету, твари приблизились, окружив сферу со всех сторон.

Брускетта наконец их заметила. Они явно встретились уже не в первый раз – никакого страха её лицо не выказало, только гнев и ярость! Ловко завертев сферу, она врезалась в первые ряды ксеноморфов, смяв и раздавив несколько чудищ. Подпрыгивая, как мячик, сфера таранила и била пришельцев, которые с визгом разлетались на куски, брызгая вокруг своей ядовитой кровью – кислотой. Казалось победа Брускетты близка и Саша несколько успокоился от осознания того, что ему не пришлось жертвовать жизнью для её спасения. Однако ксеноморфы наловчились и стали использовать свои инопланетные повадки: передними лапами они стали со всех сторон упираться в сферу гася, таким образом, её колебания. Брускетта увязла в ксеноморфах, как пчела в сиропе. Чужие облепили сферу и плевали на неё кислотой, которая дымясь, разъедала стенки. Саша был в панике и ужасе, и только инстинкт самосохранения удерживал его от того, чтобы прийти на помощь Брускетте.

И тут с неба, прямо в скопление чужих, облепивших сферу, грохнулось что-то большое и оранжевое. Это был памятник – Юра Гагарин. Он переоделся перед боем – сменил титановый панцирь на оранжевый скафандр космонавта. «Это, чтобы его потом не обвинили в нечестной конкуренции» – догадался Саша. Орудуя руками, как молотами, Юра крошил Элиенов как чудо богатырь из сказки, и даже в ярости порвал

себе скафандр на груди. «Вот ведь, голыми руками, считай, мочит ксеноморфов, не то что некоторые, которые без огнемёта к ксеноморфам и близко не подойдут» – испытывал гордость за своих Саша, но одновременно и некоторую ревность из за того, что спасение Брускетты и победа над чужими достанется не ему.

Тем временем Юра перебил почти всех пришельцев, а оставшихся пинал и топтал сапогами скафандра. Брускетта же скакала вместе со сферой вокруг и хлопала в ладоши.

«Всё же надо первым поздравить его с победой, пока он не взобрался обратно на постамент», – решил Саша, и уже было пошёл к Гагарину, но споткнулся и упал на фрагмент поверженного ксеноморфа, острые углы которого больно врезались в шею. Главное, в кислоту не вляпаться. Саша попытался подняться и понял, что все таки ядовитая жидкость успела его отравить: сердце колотилось где то в горле, которое страшно пересохло. Затылок гудел, всё тело затекло и болело. Он с трудом повернулся на бок и увидел ножку столика в сантиметре от своего носа. С трудом он приподнялся и сел на полу. Потом на четвереньках подполз к окну. Юра стоял на прежнем месте. Восток снова стал непрозрачным.

Над Москвой вставало серое утро.

Руки прочь от Свирского

– Ну, гренадёры, какие будут предложения? – с этих слов начал Саша Крит военный совет утром понедельника. С кого начнём? Пропустим даму вперёд? Ольга, ваш ход.

– У нас, Александр Сергеевич, совместная идея с Семёном. Мы же команда.

– Молодцы, если только это единство не заговор за моей спиной, – пошутил Крит. – Ну?

– Мы считаем, надо зарегистрировать права на Свирского. Я имею в виду, мы регистрируем торговую марку «Свирский», а также Знак Дьявола, как логотип. А потом предъявим претензии всем этим самозванцам, торгующим нашим Свирским. И подадим на них в суд за фальсификацию и нарушение наших прав на торговую марку. Вот.

– Отлично! Ольга, браво!

– Александр Сергеевич, это наша с Семёном общая идея.

На самом деле, Сеня к этой идее отношения не имел. Его мысли крутились вокруг приземленных схем купи-продай, типа скупить всех Колумбов и, таким образом, обеспечить себе монополию. Уязвимость такого решения была, впрочем, очевидна даже ему самому. Он не ожидал, что Брускетта разделит с ним лавры победительницы конкурса «светлая голова», и был даже несколько тронут её щедростью.

– Отличная идея, – после некоторой паузы еще раз повто-

рил Крит. Он был даже несколько огорчён что, такая простая и очевидная вещь, не пришла ему в голову самому.

– Молодцы ребята! Начинайте воплощать идею в жизнь, не откладывая.

– Уже начали. Связались с юристами. Алгоритм такой: подаем заявку, оплачиваем сбор. На первом этапе они проверяют не зарегистрирован ли уже такой товарный знак.

– Ещё раз молодцы! Платим и запускаем процесс, пока эти ушлые знатоки Свирского тоже эту тему не прорюхали.

Сеня было подумал, что на этом военный совет и закончится и уже поднялся, чтобы идти, но Саша остановил его, махнув рукой.

– Пойдите. Вы ещё не слышали моей идеи. Товарный знак, торговая марка – это хорошо. Это позволит нам прижать хвосты всем этим мелким воришкам чужих идей. Но что делать потом?

Саша вопросительно посмотрел сначала на Олю, потом на Сеню.

– Потом? А что потом? – задала вопрос Брускетта.

– А потом люди спросят, а где этот самый Свирский? Почему его никто не видел? Нельзя же всё время кормить людей рассказами, про монастырь в Тибете, или дурдом на Яузской набережной. Нужно предъявить гения, так сказать, городу и миру.

– И кого же мы городу и миру предъявим? – поинтересовался Семён.

– Тебя, Семён, – ответил Крит. – Я, вообще думал, что может можно и Ольгу. Такой, знаете ли, неординарный ход. Как в старом фильме «Тутси» с Дастином Хоффманом, только наоборот. Все думают что Свирский – мужчина, а он ещё и женщина, оказывается. Неожиданный такой поворот сюжета. – Но потом решил, – Нет. Сумасшедшая женщина это, конечно встречается, а сумасшедшая женщина, да ещё и гений, такого в природе не бывает. Заподозрят обман. Так что ради достоверности только ты, Семён.

– Саша, я вообще ничего не понял. Где я, где безумный художник Свирский? Да я даже рисовать не умею.

– Тебе и не надо рисовать. Тебе даже говорить не надо. Только фактура. Твоя роль тут без слов. Мы загримируем тебя под Свирского и, как я уже сказал, представим людям искусства.

– Свирский меня лет на двадцать старше и морда у него, как у алкаша.

– Я имею в виду конечно не Свирского с Арбата, а Свирского из Тибета, – пояснил Крит.

– Ну его же не существует! И никто не знает, как он выглядит!

– А как он, по-вашему, выглядит? Оля, ты как считаешь? – задал вопрос Крит.

Брускетта прикрыла глаза и задумалась.

– Он высокий и стройный, и у него хорошая улыбка. Он вообще добрый, порядочный человек...

– Сфокусируйся на внешности, – попросил Крит.

– У него тёмные, пронзительные глаза. Они смотрят прямо в душу! И унегоглубокий, завораживающий голос. Баритон. Даже лирический баритон...

– Вот Семён, учись, как надо чувствовать Свирского! Ольга, я начинаю думать, не отдать ли роль Свирского тебе? Семён, конечно, так в образ не войдёт как ты.

– Саша, да объясни, пожалуйста, нам где играть-то эту роль? Мы фильм, что ли о Свирском снимем? Типа интервью?

– Такая мысль тоже приходила мне в голову, но я от неё отказался. Интервью, будем откровенны, ты провалишь. С Ольгой ещё можно было бы попробовать.

– Нет-нет, – испугалась Ольга. – У меня вообще паника, если надо выступать. Это я с вами тут такая смелая, а направь на меня камеру я двух слов не смогу связать.

Саша кивнул:

– Я вообще считаю, что изобразить сумасшедшего гения можно только молча. Как откроешь рот, сразу проколешься. Тут нужен великий актёр, если надо говорить. Хорошо ещё, чтобы актёр был тоже сумасшедшим. Ну, может не совсем псих, а так, слегка с приветом.

– Александр Сергеевич, по моему мнению – и я думаю, Семён со мной согласится, лучший кандидат на эту роль это вы, – сказала Оля.

– Да уж, это точно, – подтвердил Семён. Совсем не моя

тема, а Ольга это вообще женщина.

– Знаю, – согласился Крит. Но, во-первых, в этой тусовке меня знают. Тут никакой грим не поможет. А, самое главное, кто-то должен доносить до народа мудрость и идеи Свирского. И тут вот он я, его арт-менеджер и, можно сказать, ученик.

– А как же мы представим его людям? Не по улице же его будем водить: «Здравствуйте, это Свирский и его свита», – снова спросила Оля.

– Мы устроим выставку, – ответил после паузы Крит. – Персональную выставку Иммануила Свирского.

– Да где же мы возьмём такое количество экспонатов? Это же надо все антикварные лавки Москвы вверх дном перевернуть, чтобы найти что-то под Свирского. И это сколько денег надо? – возразил Саша.

– Экспонаты не понадобятся. По крайней мере, экспонаты в привычном понимании этого слова. В том-то и феномен Свирского, что он превращает обыденность в волшебство и творит чудо.

– Как?

– Он берет обычного человека, пусть даже и очень богатого и превращает его в первооткрывателя континента, в легенду.

– С Игорем Евгеньевичем Колумбом всё понятно, но на выставке он как будет чудеса сотворять?

– Он будет оживлять памятники.

Сеня и Брускетта уставились на Крита. Оля раскрыла рот, а Семён подумал: «Да не сошел ли Крит сам, в конце концов, с ума?»

– И не только оживлять памятники, – продолжил Крит. – Он будет предлагать зрителям альтернативное развитие истории.

– К примеру, есть известная картина – Иван Грозный убивает своего сына. Теперь вообразите, что сюжет этой картины воплощают актёры, облачённые в одежды того времени. На специальной площадке, декорированной как покои Ивана Грозного, в трагической позе застыл сам Иоанн, обнимающий своего умирающего сына. Софиты освещают только эти фигуры, остальная часть экспозиции тонет во мраке. И вот, к ним подходит Свирский, облачённый в ниспадающей до земли хитон. Облик и одежду Свирского мы с вами обсудим позже. Итак, подходит Свирский и делает некое движение, некий жест, как бы касаясь картины. И картина оживает. Реверс – как бы перемотка назад. Иоанн Грозный встаёт, поднимает свой посох. Сын тоже встаёт, делает несколько шагов назад. Начинается сцена, предшествующая трагической развязке.

Сын говорит Грозному: «Отец я слышал ты, свой нечестивый глаз, направил на мою жену честную».

– Ну, что-то в этом духе. Над текстом надо будет поработать ещё.

– Ах, да, – глядя на лица коллег начал объяснять Саша: –

Дело в том, что никто точно не знает, за что Иоанн убил сына. Но все считают, что причина ссоры – дело государственной важности. То ли сын отказался освободить Псков, то ли наоборот рвался на войну. Неважно. И никому в голову не приходит, что в основе могут быть обычные человеческие страсти, любовь и ревность. Тут Свирский ломает шаблон и показывает что цари, такие же люди, и ничто человеческие им не чуждо. Можно, впрочем, пойти ещё дальше. Например, сын признается Иоанну в нетрадиционной сексуальной ориентации. Или что он вообще не его сын. Что-то типа: «Отец, тебе открою я, ту тайну, что честная мать моя, открыла мне перед своей кончиной. Ты не отец мне, нет! Отец мой конюх был».

А Иоанн ему: «Проклятая блудница! Как я жалею, что убил её уже. Когда б мне знать, то плешницу бы эту, я сберегал бы как зеницу ока! Чтоб в этот скорбный день своим ножом честным...»

Ну, дальше, например, сын возмущён, что Иоанн не уважительно отзывается о его матери. Слово за слово они хватаются за ножи. Тогда же были суровые нравы, люди легко впадали в крайности, – пояснил Саша.

Впрочем, нет. Лучше сабли. Сабли зрелищнее. Тем более, что тогда у всех сабля на боку болталась.

Итак, кругом мрак, и только в центре в свете софитов сын и отец Грозные кружатся с саблями наголо, делая выпады и нанося удары. Бьются не на жизнь, а на смерть. Звенит сталь,

летят искры.

Иоанн опытен, но сын его молод и полон сил. Никто не может одержать верх. Силы равны.

И тут в покои врывается митрополит Филипп.

«Остановитесь! – кричит он. – Иоанн на минуту отвлекается, а сын, воспользовавшись этим, наносит ему роковой удар».

– Так получается, что в итоге сын Ивана грохнул? – спросил Сеня.

– Я же говорю, альтернативная развязка и неожиданный финал.

– А дальше что?

– Дальше сына просят на царство. А митрополит, как бы забегаая вперед сообщает что, после смерти Иоанна, опричи-на была распущена, бесчинства и репрессии прекратились и на Руси воцарился мир и покой! Хэппи энд.

Ну как? Оля, твое мнение?

– Нет слов.

– Была ещё мысль обыграть сцену картины «Дуэль Пушкина с Дантесом», тоже с альтернативной концовкой. Там Пушкин убивает Дантеса наповал. Тоже хэппи энд: тут уже Данзас, секундант Пушкина, как бы забегаая вперед сообщает, что Александр Сергеевич жил долго и счастливо написал ещё много замечательных стихов и поэм. Но победили Грозный с сыном – битва на саблях зрелищнее, чем дуэль на пистолетах... Хотя была идея поработать ещё со сценой дуэли,

раскрыть её. Например, и Пушкин и Дантес промахиваются! В ярости, Пушкин бросается на Дантеса и душил его голыми руками! Каково?

– Да уж, – мрачно прокомментировал Семен. – Министерство культуры нас вряд ли похвалит за такую вольную трактовку поведения классика.

– Пушкин был великий гуманист! – вспомнила Оля слова учителя литературы в средней школе. – Он не стал бы насмерть душил живого человека голыми руками!

Крит, впрочем не обратил на эти комментарии никакого внимания и продолжил:

– Это, конечно только одна из живых картин, которые своим прикосновением оживляет Свирский. Таких живых полотен, будем так их называть, вообще сцен таких, таких сюжетов будет несколько. С древнейших времён и до наших дней. Постараемся охватить, так сказать, все важнейшие вехи истории нашей великой Родины, но с точки зрения восстановления исторической справедливости. Возьмём, к примеру, татаро-монгольское иго. Все закоsnели в убеждении, что Русь проиграла войну и поэтому платила дань Золотой орде. А что если Русь не проиграла, а выиграла войну?

– А чего тогда триста лет монголам дань платили? – спросил Семен.

– А может это не дань, а инвестиции? Может это добровольная помощь монгольским братьям? Всё ведь вопрос точки зрения.

– Можно разыграть сценку, где монгольские ханы рассказывают русским князьям о бедствиях и лишениях простых монголов и князья милосердно решают направить часть средств на борьбу с бедностью, невежеством и болезнями простых ордынцев.

– В общем, над сценарием ещё поработаем.

– Ну и, конечно, понадобится какое-то количество картин и скульптур «а ля Свирский» для антуража. Совсем без произведений гения, которые можно потрогать и даже купить, нельзя. Это и вопрос денег тоже – устроим в конце аукцион. Так что тебе, Семён придется в поисках шедевров потолкаться по антикварным лавкам, посмотреть объявления с рук. Арбатский Свирский их промаркирует Знаком Дьявола и доработает, если необходимо.

– Ты, сам-то, что поэтому поводу думаешь? Только не говори что это нереализуемо.

– Саша, это как раз реализуемо. Но вопрос денег. Надо арендовать зал, нанять актёров, режиссёра.

– Я буду режиссёром.

– Хорошо. Ты будешь режиссёром. Но всё равно: оформление, костюмы, освещение, музыкальное сопровождение и прочее – всё это очень дорого и кредит получить под этот проект будет непросто. И потом, кредит надо отдавать.

– Мы устроим итоговый аукцион шедевров Свирского.

– Да, но сначала кредит надо получить.

– А что если привлечь частных инвесторов?

– Каких, например?

– Да вот этого табачника, с которого всё и началось, Игоря Евгеньевича. Ему же вроде зашла тема Свирского?

– Вроде да. А что мы ему предложим?

– Как что? Рекламу на выставке его компании, может часть прибыли от аукциона шедевров Свирского. Он, кстати, тебя видел когда-нибудь?

– Нет.

– Отлично. Потому что загримировать так, чтобы мама родная не узнала, очень сложно. Итак: надо подумать о твоём новом имидже. Какие идеи?

– Ну, в сети уже появились наброски портретов Свирского руки неизвестного художника. Вот, – Ольга развернула экран монитора.

На компьютерной графике, стилизованной под акварель, был изображён высокий худой мужчина, стоящий в пол-оборота. Перед ним вдалеке синели пики гор, у подножия которых виднелось какое-то строение. Облачён он был в какую-то ниспадающую до земли хламиду, а в руке его был посох, заканчивающийся наверху набалдашником в форме перевёрнутой пятиконечной звезды. На шее была видна массивная цепь, на которой, видимо по замыслу художника, тоже должен был висеть какой-то колдовской амулет, однако его видно не было. Не было видно и лица, только абрис массивного подбородка и высокие скулы на фоне предзакатного неба. Мужчина был совершенно лыс, и на бритом затылке

видна была татуировка – Знак Дьявола. В левом ухе блестяла серьга. «Адепт тёмного знания, Асмодей на пути к месту силы» – гласила подпись под картиной.

– Прямо Рерих, – произнёс после паузы Крит. – Конечно, все эти расхожие штампы – цепи и посох портят картину, но она не лишена художественных достоинств. Что думаете?

– Красавец, – подтвердила Оля. – Волевой подбородок, широкие плечи.

– Слышишь Семён, как тебе повезло. Будем делать из тебя красавца.

– Как это? – спросил Семён.

– Ну, я не вижу смысла изобретать велосипед и менять уже растиражированный образ, – пояснил Крит.

– Здесь эти мошенники, спекулирующие на Свирском, сыграли нам на руку – визуализировали и, так сказать, популяризировали облик виртуального героя. Нам остается только скопировать основные детали и воплотить их, так сказать, в плоть и кровь. В тебя Семён.

– И как же вы будете их в меня воплощать?

– Ну, тут все просто и не потребует ни усилий, ни особых финансовых затрат. Плащ вот только надо будет сделать на заказ. Просто купить какой-нибудь хитон в магазине этнической одежды не пойдет. Будет смотреться дешево. Нужна дорогая тяжелая ткань. Цвет тёмный.

– Одежда – хрен с ней: одел, снял. Как быть с лысиной и татуировкой у меня на черепе? – забеспокоился Семён.

– Придётся пойти на эти жертвы.

– Саша ты что? Меня родители в психушку отправят. Меня сосед по даче Ильич подколками изведёт.

– Семён, процесс облысения у тебя уже начался, так что привыкай. Всё равно рано или поздно этим закончится – успокоил Крит.

– А татуировку можно временную сделать, – добавила Брускетта. А вообще, мне лысые мужчины нравятся.

– Спасибо, утешили. Нашли для коллеги хорошие слова, – отозвался Семён.

– Ну, братья и сестры, будем считать, что проект «Загадка и мистика Свирского» стартовал, – подвёл итог Крит.

– Подождите, а моя в этом проекте какая роль? – спросила Ольга.

– Что?

– Ну, вы Александр Сергеевич, ученик Свирского. Семён, понятно – Иммануил Свирский, а я кто? Я же должна в проекте участвовать.

– Справедливо, – согласился Крит. – Ты тогда будешь секретарь и муза Свирского Ольга Темпл, потому что Ольга Савкина как-то не звучит в этом контексте. Может, вообще тебя на время проекта переименовать в Эльвиру?

– Как Эльвира повелительница тьмы?

– Нет, слишком избито, – вздохнул Крит. – Матильда?

– Мне имя Лоретта нравится. Например, Лоретта Спурр.

– Хорошо. Итак, проект «Загадка и мистика Иммануила

Свирского» с этого момента стартовал!

– Участники: Иммануил Свирский – гений, художник и мистик. Лоретта Спурр – его муза и секретарь. Александр Крит – его арт-директор и ученик, – закончил совещание Крит.

Конец легенды

– Завтра едем к этому табачнику, Игорю Евгеньевичу, – объявил Крит вечером понедельника. – Обсудим детали. Говорить буду я. Представлю вас, сделаю презентацию проекта. Сеня, ты молчишь и ведёшь себя несколько отстраненно. Мыслями ты далеко, в Тибете. На вопросы не реагируешь и вообще рта не открываешь – ты дал обет молчания. Вообще, изображай сумасшедшего, но без крайностей. Я имею в виду – биться головой о стену и кататься по полу не надо, никакой агрессии. Покачивай головой, улыбайся своим мыслям. Хорошо также уставиться на какой-то объект, и шевелить губами. Так сказать, впериться взглядом. Периодически закрывай глаза и слегка раскачивайся, но всё в меру, конечно. Оля, тебе тоже лучше в разговор не вступать. Сиди, смотри на Свирского влюблёнными глазами, и успокаивающе похлопывай его по руке, если он сильно разойдётся в смысле раскачивания или впериться взглядом куда не надо. Теперь самое главное, трансформация – завтра с утра придёт стилист с реквизитом. Процесс преобразования осуществим здесь, в офисе. Отсюда стартуем к табачнику. Вопросы?

– А зачем нам стилист? – настороженно спросил Сеня. Побрить голову да одеть хламиду я и сам могу, чего деньги-то тратить?

– Семён, как ты не понимаешь, что кустарщина здесь не

пройдёт? – закричал Крит так, что было слышно в коридоре.

– Весь проект, построен на твоём имидже! Твой образ должен потрясать, люди должны умолкать при твоём появлении! От одного твоего взгляда особо нервные в обморок падать должны! Такой эффект может обеспечить только профессионал, да и то не каждый. Я нашёл спеца, который собаку съел на искусстве поражать людей внешностью.

– А мне что одеть? – робко спросила Ольга. Её предстоящее представление немного пугало. – У меня никакой необычной одежды нет.

– Тебе и не надо выделяться. Достаточно Свирского. Ему всё внимание. Одевай тёмное платье или брючный костюм.

– А косынку надо?

– Оля, нет. Мы не в церковь идём. Обычная офисная одежда. Макияжа минимум.

* * *

Стилист появился с огромным баулом. Создание поражающих воображение образов он начал с себя. Семён не смог на глаз определить не только его возраст, но даже и пол.

– Я рассматриваю фактуру как арт-объект, – высоким голосом объявил он, раскладывая на столе стопки тяжёлой ткани, огромную коробку с разноцветными баночками, кисточками, связки каких-то ремешков и колец. Рядом со столом он поставил огромный посох.

– А это что? – Семён ткнул пальцем в диковинные деревянные конструкции с ремешками.

– Это Сетта. Традиционная обувь монахов-отшельников. – Да как в них ходить-то? Шею же свернёшь! Может без этих Сетта обойдёмся?

– Важна каждая деталь, – возразил стилист. – Представьте, из-под Кашая видны кроссовки? Это сразу же снизит доверие к образу! Это всё равно, что бейсболку на голову надеть!

– Да, это обесценит все усилия, – согласился Крит. – Потерпи Семён, это же ненадолго.

– Ну, начнем с головы, – стилист раскрыл небольшой саквояж со зловещего вида инструментами, блестящими хромом. – Псевдо пирсинг будем делать?

– Чего? Нет! – В испуге воскликнул Семён.

– Семён, спокойно. У тебя обет молчания, начинай вживаться в роль. – сказал Саша Крит и повернувшись к стилисту: – Нет, достаточно клипсы в ухо.

– Жаль, – вздохнул стилист. Это добавило бы изюминки. Но амулет на шею и браслеты обязательны! Без них образ будет неполным.

– Он должен интриговать, создавать ощущение тайны, изумлять и поражать, – напутствовал стилиста Крит.

– Народ ахнет – пообещал стилист.

Через час двери офиса «Адвертайзинг Арт» отворились.

В дверном проёме стоял высокий, совершенно лысый че-

ловек в ниспадающей хламиде до самого пола, и с массивной золотой цепью на шее. В руке он держал посох, и напоминал папу римского с ферулой в руке, но без тиары. Хоть никто и не упал при появлении Сени в обморок, эффект, обещанный стилистом, был налицо – в шумном обычно офисном холле воцарилась тишина. Все глаза были устремлены на необычную фигуру. Как бы благословляя толпу, человек взмахнул посохом и покачнулся, но его вовремя подхватили под руки.

Громко стуча деревянными сандалиями по кафельной плитке пола и звеня браслетами, поддерживаемый с одной стороны Олей, а с другой стилистом, Семён двинулся по направлению к лестнице. В дальних концах коридора люди поворачивали головы и прислушивались, недоумевая, кто это привёл лошадь в офисный центр?

На лестнице Семен наступил на полу хитона и споткнулся и, если бы его не удержали сопровождающие, полетел бы вниз, в проём. Со звоном поскакал по ступеням вниз посох, выскользнувший из его рук.

– Видал, какой ты эффект произвёл на офисный люд? – радовался в машине по дороге к табачной компании Саша Крит. – Особенно этот жест с посохом, когда ты споткнулся! Народ ахнул! Молодец, Семён. Главное молчи, и изображай легкую форму шизофрении. Импровизируй!

– Лоретта Спурр, – представил даму первой Игорю Евгеньевичу Крит. – Секретарь художника.

– И его муза, – добавила Брускетта, и от смущения сделала

книксен.

– Иммануил! Ты ли это? – восторженно воскликнул Игорь Евгеньевич и протянул Сене руку, но тот только прижал сильнее посох к груди. Игорь Евгеньевич не растерялся, и заключил Семёна в объятия. Семён хотел ответить на приветствия и открыл рот, но вовремя вспомнил про обет молчания и замычал.

– Он что, глухонемой? – тревожно спросил Подгорный шепотом.

– Иммануил дал обет молчания, – пояснил Крит, несколько удивленный такой фамильярностью Подгорного.

Вошла секретарша.

– Чай, кофе? – просила она.

– Чай, – сказала Оля.

– И мне, – добавил Крит.

– А вам? – секретарша повернулась к Сене.

В ответ он вперился в неё взглядом и принялся раскачиваться.

– Ему чистой родниковой воды, – вмешалась Оля, успокаивающе похлопывая Семёна по спине.

Игоря Евгеньевича всё происходящее, похоже, очень веселило и вообще, он был в превосходном настроении.

– Добрый знак, – подумал Крит, украдкой показывая Брускетте большой палец вверх. Похоже, дело выгорит.

– Ну-с, чем обязан? – наконец сказал Подгорный, лучезарно улыбаясь.

– Позвольте вам, для начала кое-что показать, – сказал Крит, доставая ноутбук из портфеля. – Перформанс называется «Альтернативная история».

Игорь Евгеньевич хохотал до слез, слушая, как Крит в лицах изображает сцену дуэли Дантеса с Пушкиным, а Оля не удержалась и захлопала в ладоши, настолько Крит был хорош.

– Ну, ребята, ну молодцы! – задыхался от смеха Подгорный. – А вот можно ещё альтернативные концовки фильмов обыграть. Мой любимый фильм – «Белое солнце пустыни». Только жалко, что там Верещагина в конце убивают. Хорошо бы сделать так, что бы он успел с баркаса в море прыгнуть. Представьте: взрыв, жена рыдает на берегу, а тут такой Верещагин выныривает, а в руках у него пулемёт! Каково, а?

– Игорь Евгеньевич, Иммануил Свирский, испытывая к вам глубочайшее уважение, предлагает вам партнерство в этом проекте, – тожественно произнес Крит.

– Верещагина сыграть? – поинтересовался Подгорный. – А что, я могу.

– Предлагает вам поучаствовать финансово. Проект представляется нам очень прибыльным, – продолжил Саша, но тут Подгорный вновь навалился грудью на стол в пароксизме смеха. Дождавшись, пока он отсмеётся, Саша открыл на компьютере таблицу с расчетами.

– Прибыль предполагается не только от продажи билетов на выставку и рекламных поступлений, но и от аукциона

произведений Свирского – скульптур малых форм, гравюр и художественных полотен. Прошу взглянуть...

– А Колумба тоже на аукцион выставите?

– Да, и Колумба.

– Нет, ребята. Пулемёт я вам не дам.

Саша не сразу сообразил, что это фраза из фильма.

– Почему? – спросила Брускетта.

Игорь Евгеньевич встал, достал что-то из шкафа и поставил на стол.

– Узнаёте? – спросил он, снова садясь.

– Монгол какой-то, – сказал Саша глядя на статуэтку.

– Кто это?

– Угадайте с трёх раз, – предложил Подгорный.

– Мао Цзедун, – сказала Оля, вспомнив свое педагогическое прошлое.

– При чем здесь Мао Цзедун? – осведомился Крит.

– Ваш Колумб – это бывший Мао Цзедун, – вздохнул Подгорный. – Я, признаться и сам сначала подумал, что эта идея со Свирским имеет коммерческий потенциал. Даже товарный знак зарегистрировал.

– Вы зарегистрировали товарный знак «Свирский?» – Ольга с Сашей переглянулись.

– Первым делом. Думал, потом можно пустить в продажу под этим брендом коллекцию курительных трубок и аксессуаров. Может быть потенциально интересно определенной аудитории. Ну, знаете, художественная богема и всё такое.

Даже запустили в сети инсайд по поводу загадочного Свирского, оккультиста и безумного гения.

– Так это вы эти статьи в «телеге» сочиняли? – Саша изумленно смотрел на Подгорного.

– Мой отдел маркетинга. Начали потихоньку разгонять тему.

– А Мао здесь при чём?

– Колумба отдали на экспертизу. Та хрень, которую мои маркетологи превратили в знак дьявола – это китайские иероглифы. Означают Мао Цзедун. Там три иероглифа. Просто их отчеканили один на другой – заводской брак.

В начале 50-х, во времена, когда русский с китайцем были братья навек, статуэтки эти поставили в Союз.

Потом китайцы выяснили про брак и решили статуэтки вернуть. Часть вернули, часть сперли по дороге. И вот теперь они всплыли, и какой-то ухарь переделал их в Колумба.

Игорь Евгеньевич вздохнул.

– Так что нет никакого безумного гения Свирского. Зря вы парню татуировку на череп набили и в эту хламиду нарядили, – Игорь Евгеньевич кивнул в сторону Сени. – Он, бедный, от жары совсем плохой. Сидит всю дорогу, раскачивается, да губами шевелит...

Саша молча встал и пошёл к двери. Брускетта помогла Семену подняться.

– До свидания, сказала она, закрывая за собой дверь. Посох забыли! – услышала она хохот Подгорного, уходя.

Прогулка среди могил

Брат – некрополист оказался высоким, худым и печальным человеком в берете и с седой профессорской бородкой. Оле подумалось, что он невероятно гармонирует и с этим печальным кладбищенским пейзажем и с этим серым, тоскливым, дождливым днем. «Лев Яковлевич» – представился он, кивнул и, не говоря больше ни слова, повернулся и медленно побрёл по кладбищенской аллее, взмахом руки предложив следовать за ним. Семён, Крит и Оля молча двинулись следом. Перед одним из надгробий он остановился и без всякого предисловия начал:

– Жил в ближнем Подмосковье, в городе Щёлково паренёк. Звали его Костин Иван. В детстве он прыгнул со шкафа на кровать и промахнулся – угодил лбом в массивную полированную спинку кровати. Кровищи было! Мама чуть в обморок не упала. Наложили восемь швов. И с тех пор на лице Ивана был шрам, который украшает лицо мужчины. И кличка в школе у него была Шрам, а ещё Ваню. И была у Ваню-Шрама одна особенность – он всё доводил до крайности. Проявлялось это даже и в мелочах. Попросят его, к примеру, присмотреть за шашлыком летом на даче, то он так шашлык засушит, что есть невозможно. Или вот – пошёл он лет в шестнадцать в качалку, тогда эти качалки с гирями и самодельными штангами из лома и колёс от вагонеток, повсюду в

подвалах открывали, была такая мода. Сначала Иван качался два раза в неделю, потом по классической системе три, а потом уже начал каждый день туда ходить. Окончилось тем, что повредил Иван тяжестями себе суставы, даже в больнице лежал, в ЦИТО в Москве. С качалкой пришлось расстаться. Ни в чём меры не знает, говорила про него мама. И ещё была у Вани склонность про себя разные небывицы сочинять. Все мальчишки привирают про свою смелость и подвиги, но Ваню и тут перегнул палку. Рассказал, что ограбил товарный поезд, взломал вагон и вытащил коробки с японскими магнитофонами. Спрятал в укромном месте и вот теперь ищет покупателей. Пару недель купался он в лучах зловещей славы криминального авторитета, вёл переговоры с потенциальными покупателями. Торговался, в деталях описывал технические особенности чудо аппаратуры. А потом его загребли в милицию. Там рядом действительно была железная дорога, и там случались хищения. Кто-то вложил Ваню. Его потрянули и выяснили, что вся история с техникой – миф. Очень сотрудники транспортной милиции сокрушались, что не удалось на Ваню кучу всяков повесить.

Время шло, и пришла пора Ване идти в армию. А идти туда он очень не хотел. И решил он, как тогда говорили, косить. Парень он был крупный и здоровый, хронических болезней типа астмы или сердечной недостаточности у него не было. Прочитал «Шизофрения. Цикл лекций М.Е. Крутинского для студентов – медиков» – тогда ходила по рукам та-

кая брошюра, и решил симулировать у себя шизофрению. Стал всем рассказывать, что слышит голоса и ему видения случаются. Изображал ужас перед обычными вещами, особенно пугался всего военного. И так вошёл в роль, что опять перегнул палку: так вжился в роль шизофреника, что стал слышать голоса, а в автобусе как-то и впрямь испугался человека в военной форме и пытался выпрыгнуть из автобуса на ходу, но застрял в окне. Его забрали в психушку на освидетельствование, и там ему почти поверили, но в итоге в армию его всё равно забрали. В стройбат, справедливо рассудив, что там, в случае обострения, ущерб от Вани будет минимальным. Правда, ему, можно сказать, повезло. Служил он во Вьетнаме, где два года укладывал плитку в строящихся доках для подводных лодок. Можно сказать, повидал мир. Вернулся он уже в другую страну – появились платные сортиры, валютные проститутки и первые кооперативы. И рэкетеры. Тогда вообще было модно косить под эти типажи. Дамы изображали из себя эдаких жриц ночи, вращающихся в элитных кругах. Парни мрачно делали вид, что связаны с криминалом, но это тайна. В моде были спортивные костюмы и кожаные куртки. Ваню-Шрам идеально подходил под типаж рэкетера – здоровый лось со шрамом на лице. Незнакомым он намекал, что провёл много лет в местах не столь отдалённых за ужасное злодеяние. В чём была часть правды, стройбат те ещё войска. Там одних бывших сидельцев за хулиганку треть. То есть блатные словечки и понятия, Ва-

но-Шрам со службы знал.

Компания для бригады рэкетиров Шрама подобралась как-то сама собой. В городке чуть ли не у каждой автобусной остановки появились коммерческие палатки. С них они и начали. И, к своему изумлению, не встретили никаких особых проблем. Хозяева ни в милицию не обращались, ни отпор не давали. А давали долю от прибыли. Небольшую. Ваню, памятуя свой негативный опыт доведения процессов до крайности, изменил своей природе, заморозив свой бизнес на уровне рэкетиров коммерческих ларьков, не увеличивая ни зоны влияния, не размер бригады. Продолжая, впрочем, работать на имидж и распространяя басни о своей мифической кровожадности. То одного он в бочку закатал, то другому несговорчивому клиенту пальцы поотрубал.

И тут случилось так, что одного большого человека – он вином торговал, обманули. Отгрузили по фальшивым документам несколько фур элитного алкоголя. И этот большой человек заподозрил своего сотрудника, что товар отгрузил, в сговоре с ворами и решил его наказать. У большого человека была, конечно, своя крыша. Но тут он решил привести специалиста со стороны. А тут ему как раз рассказали про Ваню Кровожадного. Настоящий мясник. И к тому же не из нашего района. И не из нашей тусовки. С большим человеком никак не связан. И большой человек, не сам конечно, через посредника, предложил Ваню этого своего вора-сотрудника хорошенько потрясти на предмет, где фуры ну а потом, неза-

висимо от результата, сделать так, чтобы тот больше никого никогда не обманывал, нехорошо это. И предложил за это доллары. Много.

И оказался Ваню перед дилеммой. С одной стороны, он до этого убивал всех только на словах, а тут... А с другой – много денег. Да и репутация в случае отказа может пострадать: скажут зассал. Слухи в их среде расходятся быстро... И созрел у него план... Сотрудника этого они по наводке поймали, в машину затолкали и вывезли загород. Посадили в подвал. Отметелили. Запугали. Тот ни в какую. Обманули его, также как и большого человека. Кинули. Есть у него вот 50 000 долларов, накопленные непосильным трудом. Готов отдать. Только не убивайте. Тем более фуры я не крал и ни в чём не виноват. Ваню попросил своих коллег на улице покурить, оставить его с клиентом наедине и говорит: «Миша (его Михаилом звали), я тебе верю. Но вот беда, мне по – любому придётся тебя убить, твой босс заказал. Но я тебе верю и грех на душу брать не буду. Мы вот что сделаем. Я сейчас видеоканеру включу и холостыми в тебя шамальну. Ты упадёшь, типа убит. Потом мои бойцы тебя в ковёр завернут и в багажник мне закинут. А я отвезу тебя домой, ты дашь мне 50 000 долларов, а за это я твоему шефу скажу, что дело сделано и в доказательство ему видео передам. А ты исчезнешь. Ляжешь на дно. Надолго. А то, если босс узнает, тебе крышка. Второго дубля не будет».

Поставили камеру. Жертва очень натурально кричала, что

не виновата и молила пощаде. Вжилась в роль, а может и не до конца поверила, что патроны холостые. Ваню три раза грохнул заранее заготовленными холостыми. Миша повалился на ковёр. Ваню его прикрыл. На выстрелы прибежали подельники. Всё, говорит Ваню. Берите ковёр и кидайте мне в багажник. А дальше я сам поеду к нужным ребятам, чтобы от трупа избавиться. По дороге Ваню Мишу из багажника выпустил, кровь (бойцы постарались) с лица оттерли. И поехали к Мише. И он вынес Ваню обещанные 50 000 долларов. Главное, залегай на дно и чтоб не слуху, ни духу.

Это был день триумфа Ваню-Шрама Костина. Во-первых, такой кучи денег у него никогда не было, но главное, это красота игры. Там, где другие тупоголовые быки сделали бы только один конец, он сделал два. Получил деньги и жертвы, и заказчика. И при этом даже в мокруху не втюхался. И свою репутацию не посрамил. Наоборот – рейтинг вырос. В общем, отдал Ваню через посредника видеоотчёт о проделанной работе, получил оговорённую сумму. И неделю был в эйфории. Приятно ощущать себя таким умным. А потом начал его беспокоить врождённый перфекционизм. Стали тревожить подозрения, что больно легко ему Миша 50 000 долларов отдал, точно не последние. Значит, спёр всё-таки фуры гад. Можно было снять с него больше, много больше. Пытался Ваню с бойцами опять Михаила найти, но где там. Залёг на дно. Но мысли о том, что можно было сделать лучше, не отпускали Ваню. И однажды его осенило: а почему два кон-

ца? Почему не три? И он вновь позвонил посреднику. Сказал, что вскрылись новые обстоятельства, и надо встретиться. Встретились. Проблема – сообщил Ваню. Где-то утечка. Менты про тему узнали. Он выясняет, кто крыса, а пока надо своим людям в ментовке занести. Иначе всем хана. Начнут с него, доберутся до заказчика. Половину суммы он отдаст своими, а уж половину с вас. Общий же шухер. Ваню рассуждал так – ну в крайнем случае, мне не поверят, и денег не дадут. Но зато я использовал все возможности. Выжал тему досуха.

Большой человек не поверил. Это, во-первых. А во-вторых, он разумно предположил, что это будет не последняя попытка. Так можно бесконечно объявлять про новые обстоятельства, которые требуют финансирования. Большой человек рассердился. И ещё он подумал, что его собственно, с Ваню ничего не связывает. Он его никогда в глаза не видел, и существуют они в разных сферах. И послал плёнку ментам. С именем и телефоном. Менты очень обрадовались такому вкладу в статистику раскрываемости преступлений. Ваню и компания были личности им известные, хотя они удивились, что те пошли на мокруху. До этого, кроме мордобоя, из насильственных преступлений за ними ничего не было. С другой стороны, всё когда-то бывает в первый раз.

Взяли их в тот же день. А они и не прятались. Сначала показали плёнку бойцам по отдельности. Там весь букет – группа лиц по предварительному сговору. Это пожизненное.

Ну, двадцатка в лучшем случае. Бойцы, понятно синхронно в отказ: стояли, курили на улице. Да, труп несли и в багажник положили. Но ни о каком убийстве не договаривались и не планировали. Ваню стрелял. Сами в шоке, не ожидали.

Ваню спросили: «Где труп?» Рассказ про постановку всех развеселил. Предложили не тянуть и не усугублять: показания свидетелей, видеозапись убийства... Пробыли правда номер телефона, по которому Ваню посреднику звонил. Зарегистрирован на Степанова С.М., умершего три года назад. В довершении изъяли из машины Ваню ковёр со следами крови...

Вот так стремление к совершенству погубило человека. Как сказал Ларошфуко: «Иногда прекрасные творения более привлекательны, когда они несовершенны, чем когда слишком закончены».

Лев Яковлевич замолчал, склонив голову и, скрестив руки на груди.

– Его что же, расстреляли? – спросила Ольга.

– Нет. Ему дали 15 лет строгого режима.

– От чего же он умер?

– Кто умер?

– Ну, этот Ваню.

– Насколько я знаю, он жив, и находится в Мордовии в колонии.

– А кто же здесь похоронен?

– Здесь похоронена мечта Ваню на справедливость.

Лев Яковлевич отступил в сторону и повернулся лицом к монументу, который до этого был у него за спиной.

– Симоненко Михаил Сергеевич, – прочел Крит. – Это, стало быть, тот самый парень, который на дно залег? Значит, нашел его всё-таки большой человек?

Нет, он умер от болезни. Настоящее на надгробии только имя. Фамилия и даже отчество вымышленные. Под этим вымышленным именем он жил после своего исчезновения и до самой смерти. Так что надеждам Ваню, что его клиент когда-нибудь объявится, сбыться не суждено.

– А у вас, откуда такая информация, – хотел было спросить Семён, но Лев Яковлевич уже повернулся и пошел дальше по аллее, взмахом руки вновь пригласив следовать за ним.

Теперь они шли мимо рядов похожих в чем-то захоронений. Чёрные гранитные плиты памятников с изображениями. Захоронения все почему-то были девяностых годов: 1990-й, 1992-й, 1995-й... Монументы отличались размером и соответственно ценой, в остальном они не были оригинальными: реалистичные изображения молодых ребят. Иногда в полный рост. Иногда на фоне авто. Это братки – догадался Саша. Один памятник выделялся – на нём был выбит барельеф мужчины, устремлённого ввысь. Барельеф как бы отбрасывал тень, причём тень была светлее самого барельефа. Саша пригляделся. Тень отличалась от оригинала. Что за загадка? Они подошли ближе.

– Пустошкин Леонид Сергеевич, – прочитал Семен.

– Лёня Пустошь, – кивнул Лев Яковлевич.

– Какая потрясающая работа скульптора, – восхитился

Крит.

– И очень дорогая, – добавил некрополист. В Италии заказывали. В лучших традициях российских богатеев. Но и то сказать, не всякий возьмётся за такую сложную работу. Камень меняет цвет, это особая технология обработки. Приглядитесь. Заметили странность?

– Тень, какая то странная, – присмотревшись, сказал Семён. Лев Яковлевич вплотную подошел к памятнику.

– Присмотритесь к лицам на барельефе, – предложил он.

Все приблизились. Саша ещё раз поразился мастерству скульптора – лица на барельефе были переданы невероятно живо и выразительно. Но ещё больше поражало то, что лицо тени, очевидно отличалось от, так сказать, оригинала. У оригинала было худое лицо с острым подбородком и длинные вьющиеся волосы, а лицо тени было полным и каким-то одутловатым.

– Разные же лица, – ахнула Ольга. – Как же так?

– Какие будут предположения относительно причины, побудившей скульптора использовать столь необычное решение? – задал вопрос некрофилист.

– Полагаю, скульптор хотел показать внутреннюю сущность героя. Мол, внешне он был худ и строг, даже жесток, а в душе – мягок и даже раним, – начал рассуждать Крит. –

А может, скульптор хотел выразить, что он был лишь тенью кого-то другого. Может, своего отца или родственника.

– А может, покойник – это тень. А тот, что эту тень отбрасывает – это его идеал, к которому он всю жизнь стремился, – добавила Ольга.

Лев Яковлевич вздохнул:

– Лёня Пустошь был из профессорской семьи. Но на этом его отличие от коллег по цеху не заканчивалось. Он, с одной стороны, всегда предпочитал не доводить до войны, но если решал воевать, то был жесток беспредельно. Никаких предупреждений и угроз, никаких предупредительных выстрелов. Он просчитывал всё на несколько шагов вперёд, и одним из первых переключился на финансовые организации. Его капитал и влияние росло. Но Леонид понимал – сколько верёвочке не виться, конца не миновать. В борьбу за сферы влияния включились новые, серьёзные люди. И рано или поздно его либо уберут конкуренты, либо противоположные структуры. Надо было легализоваться. Но, к тому времени он и его бойцы наворотили таких дел, что и речи не могло быть о том, чтобы просто завязать, легализовать активы и спать спокойно. Надо было полностью обнулять биографию. Но как?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.